

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 330. 84/86: 32: 94 (470 + 571)

В. Д. ПОЛКАНОВ

Омский государственный
технический университет

СОЦИАЛИЗМ: ОШИБКА ИСТОРИИ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

В статье анализируется процесс появления концепции социализма, обосновываются теоретические ошибки КПСС в развитии теории социализма. Доказывается необходимость разработки концепции неосоциализма, поскольку, по мнению автора, капиталистическая идея не вечна и сегодня явно исчерпывает себя.

Ключевые слова: социализм, теоретические ошибки, концепция, неосоциализм, капитализм.

*России не станет тогда,
когда не станет последнего патриота.
Н. М. Карамзин*

Период с декабря 2011 г. по март 2012 г., на мой взгляд, может войти в историю России, как начало коренного перелома в социально-политической жизни страны. Толчком к началу этого процесса явилось то, что наш знаменитый тандем, расслабившись, развернул монархическую игру по поводу кадровой расстановки друг друга. То был серьёзный удар по младо-демократии. Всполохнулись стотысячные митинги, но вскоре их «огонь» несколько поугас. Власть, же, охмелевшая от «беззубости» болотной оппозиции, демонстративно продолжала и дальше самовольничать. В пик ушли всевозможные ухищрения, вплоть до примитивных фальсификаций святого из святых — результатов выборов. Вновь избранный президент с молниеносной оперативностью наградил своего спасителя в выборной кампа-

нии высокой российской наградой. Вроде бы — знай наших!

Но мои размышления, извиняюсь, не о болотовах — этих современных буреветниках, и не о Путине.

Мой агрессант — КПРФ, занявшая своё традиционное второе место как в Госдуме, так и на пост президента. Вроде бы места вполне призовые! Однако кто не идёт вперёд, тот идёт назад! А это опасно! По сути дела — приговор! Мы же, сторонники КПРФ, проявляя в этом свою беспомощность, ставим под угрозу концепцию социализма — идею братства, социальной справедливости, гуманности.

...Социалистическая идея своим появлением обязана отнюдь не коммунистам. Она берёт начало

с великого кладезя человеческой мудрости — христианства. В ней глубоко выражены нужды и чаяния народа, созвучные вековым российским традициям соборности, коллективизма, товарищества. В дальнейшем социализм вобрал в себя гуманистические традиции европейского Возрождения и Просвещения, на почве которых выросли первые социалистические утопии. Созвучные социалистической идее лозунги свободы, равенства, братства, справедливости и прав человека начертала на своих знаменах Великая Французская революция. И пока жив человек, эту идею никому уничтожить не удастся. Тяга к справедливости — это основа нравственного существования человеческого рода.

Как известно, термин «социализм» (социалистический — от лат. общественный) впервые появился во французской и английской литературе в начале 30-х годов XIX в. Это слово ввёл в лингвистический оборот П. Перу, французский философ, назвав свою работу «Об индивидуализме и социализме» (1834 г.). На рубеже 30–40 гг. XIX в. появляется на свет понятие «коммунизм» (коммунистический — от лат. общий). Оно было запущено в оборот во Франции с лёгкой руки Э. Кабе, в Германии — В. Виттлинга. Это сразу же поставило вопрос о соотношении понятий «социализм» и «коммунизм», поскольку появившиеся неологизмы стали употребляться как синонимы. **То была начальная путаница в зарождающемся учении.**

Впервые попытку научно соотнести эти понятия делает К. Маркс. В работе «Критика Готской программы» (1875 г.) [1] он развёл их как некие фазы развития будущего коммунистического общества (высшая — коммунизм, низшая — социализм). Фазовую концепцию коммунистического общества в дальнейшем подхватили большевики. И здесь, как мне представляется, **была допущена вторая серьёзная ошибка.**

В дискуссиях обществоведов уже давно проskalзывала мысль, что социализм и коммунизм не фазы (фаза — что-то кратковременное), а стадии, или вообще самостоятельные формации, причём довольно-таки длительные. Это осознание носит принципиальный характер. Такое представление о социализме убергло бы нас от преждевременных действий. Именно исходя из кратковременности социализма как фазы или как «неполного коммунизма» возникла идея о скорости построения коммунистического общества. Не кто иной, как В. И. Ленин, выступая на III съезде РКСМ (1920 г.), предрекал юному поколению, что оно через 10–15 лет будет жить в коммунистическом обществе [2]. Убеждения о быстром вступлении в коммунизм были так широко распространены, что продержались до 60-х годов прошедшего столетия. Именно в это время Н. С. Хрущёв на XXII съезде КПСС (1961 г.), предложив третью программу партии, назвал её программой строительства коммунизма, оптимистически пообещав нынешнему поколению советских людей жизнь при коммунизме [3].

Но социалистическая практика не пошла по этим «розовым» теоретическим выкладкам. Уже в первой половине 60-х годов XX в. стало ясно, что мы в своих теоретических изысканиях забежали далеко вперёд, оторвались от действительности. Надо было остановиться, поразмыслить, привести в соответствие наше воображение с реальностью. Вскоре одухотворяющая идея строительства коммунизма была снята с политической повестки. Однако (как ни говори, мы — строители) и нам надо было что-то

строить. В этих условиях и появляется **теория развитого социализма, внесшая ещё большую путаницу в сокровищницу марксизма-ленинизма.** Суть же заключалась в том, что, не успев провозгласить концепцию строительства развитого социализма, мы тут же, в 1967 г., устами Л. И. Брежнева объявили о «построении» развитого социалистического общества, пытаясь, по-видимому, тем самым преподнести советскому народу дорогой подарок к 50-летию Октябрьской социалистической революции [4].

Однако **этот вывод повлёк за собой дальнейшую теоретическую сумятицу.** Судите сами: если построили развитое социалистическое общество, значит, страна должна была вступить в новый этап своего развития. Но в какой? К строительству коммунизма, как показало время, мы были не готовы. Вот тут-то и подвернулась **концепция «совершенствования построенного развитого социалистического общества».** Но этот вывод не соответствовал простейшей логике: если построено, значит должно быть совершенным, а если оно несовершенно, его надо совершенствовать (С. И. Ожегов определяет слово «совершенный» как «подлинный, несомненный») [5], значит такое общество не построено. Таким образом, теория социализма, действительно, была порядком запутана. Мы не только заигрывали с историей, запутывали теорию, но и глумились над логикой, насиловали «великий русский язык».

И потом, если мы построили социализм, то неужели то общество, которое мы потеряли в 1991 г., и было истинным социализмом — практическим воплощением учения марксизма-ленинизма, идеалом, за который боролись и отдали немало своих жизней отцы и деды? Неужели подлинный социализм — это длинные очереди в магазинах, нехватка основных продуктов питания, однопартийная система, бесконечная череда культов личности, административно-командный стиль руководства и т. д.? Зачем и кому нужно было упрощать до такого уровня представление о «светлом будущем человечества»? Сегодня мы убеждаемся: не пройденное, а лихо перепрыгнутое старое, игнорирование объективных законов развития рано или поздно напоминает о себе, стремясь поставить все на свои места. Нынешний кризис социализма — это дань за нашу торопливость, политическую ухорность.

А выход из ситуации заключался в простом: мы были далеки от финиша социализма; мы находились, в лучшем случае, на стадии строительства основ социализма. Но коль скоро не построили социализм, следовательно, все еще надо было использовать в экономике весьма живучие капиталистические элементы: частную собственность, товарно-денежные отношения, рынок и т. д.; то есть те «родимые пятна» капитализма, которые мы спешно выводили со своего неокрепшего «социалистического тела», хотя требовалось довести «доварку» социалистической идеи в капиталистическом котле. Именно по этому пути идет сегодня Китай. Случись такое, ныне бы мы не переживали мучительного, контрреволюционного, озлобленного отката назад.

Немаловажно отметить и то, что одной из основных предпосылок глубокого кризиса идеи социализма являлась насильственная унификация самой идеи. Коммунистическим партиям социалистических стран не было дано права на самостоятельные шаги в разработке теоретической концепции. Всякое отступление оценивалось как ревизионизм и жестоко каралось. Поэтому, когда сегодня говорят: социализм потерпел крах повсеместно, что и свиде-

тельствует о тупиковости социалистической идеи вообще, — это ложь. Кризис охватил лишь одну ветвь (причем основательно искаженную) глобальной многослойной социалистической идеи. Главная же, основополагающая, научная идея социализма, по сути дела, оказалась нетронутой, невостребованной и поэтому вполне резонно ждет своего часа.

Сокрушительный удар по идее социализма нанес и догматизм. Теория марксизма-ленинизма была настолько фетишизирована, что, будь живы основоположники этого учения, они наверняка не узнали бы своего детища и отвергли бы его как чуждое самому существу научной теории марксизма. Превращение теории марксизма-ленинизма в идеологию и погубило марксизм. Идеологические постулаты заменили юридически законные, правовые основания власти. Произойшла идеологизация власти вместо ее демократизации и правового оформления.

Административно-командная система, диктатура партийного аппарата действительно втоптали в грязь саму идею социализма, вытравив из сознания определенной части народа его ценности, его реальные свершения, его дела. Перестройка отсутствием своей четкой позиции, непродуманностью многих преобразований, недостаточной выявленностью мировоззренческих, идеологических и ценностных предпосылок обновляющегося общества лишь усугубила положение. Растерянность, душевная смута, аллергия к социализму стали распространяться со скоростью эпидемии.

Безусловно, мучительно осознавать, что мы оказались в тупиковой ситуации. Однако, повторю еще раз, было бы грубой ошибкой путать социалистическую теорию с социалистической идеей, отождествлять казарменный социализм с социалистическим идеалом. И мы переживаем ныне кризис не социалистической идеи, а исковерканных способов ее реализации, вызванных, главным образом, низким уровнем политической культуры, слабостью теоретических разработок, несвоевременной спешностью.

По-видимому, нет оснований обвинять Горбачева, Ельцина в предательстве национальных интересов, в умышленной сдаче социализма. Здесь налицо примитивизм мышления, низшая планка политического понимания. Одним словом, политическая безграмотность, недалекость. М. С. Горбачев в своих первоначальных призывах к гласности и перестройке, по существу, продолжил линию Н. С. Хрущева по либерализации страны, однако при этом он высвободил те социальные и политические силы, которые вскоре вышли из-под контроля и повели самостоятельную линию, разрушая саму советскую систему. Б. Н. Ельцин же бросился в капитализм, а точнее в крепкие объятия США, лишь с тем, чтобы заручиться поддержкой в противостоянии с коммунизмом. Он, по-видимому, был уверен, что стоит ему обнажить свою «антикоммунистическую грудь», как тут же к его ногам посыплются нескончаемым потоком доллары. Кое-что, действительно, на первых порах перепало. Однако на то они и капиталисты — денежки считать умеют (не в пример СССР, который, как добрый дядя, осыпал подачками всех, кто только имитировал свою симпатию к социализму), кран долларового потока особо открывать не собирались. Сильная Россия (красная или желтая) им ни к чему.

Да, социалистическая система посрамлена ныне капитализмом. Но капитализм шел к своему нынешнему цивилизованному состоянию около 400 лет.

Сравнение не безупречно, но все-таки давайте спросим себя: «Многое ли было сделано им за первые 70 лет своего существования?» Да нет же! Даже в США, чьи темпы развития капитализма после войны за независимость (1775–1783 гг.), носившей характер буржуазной революции, были наиболее высокие, лишь почти через 100 лет (в 1864 г.) отменено рабство [6]. Но к чести капитализма скажем, что, несмотря на небывалые трудности, порою смертельные кризисные потрясения, а иногда и прямые откаты к монархизму (в Англии после смерти Кромвеля, во Франции спустя 26 лет со дня взятия Бастилии и т. д.; **этот феномен известен в истории как «Закон обратной волны»**), он не поворачивал свою «голову» в сторону феодализма и не пытался его «проверенными», «испытанными» методами решать свои современные проблемы.

Наше же необоснованное и порою бездумное заигрывание с капитализмом (кое-что, безусловно, здесь заслуживает самого уважительного внимания) размагничивает, растлевает нас в поисках подлинно российского пути развития, самобытных ценностей, отвечающих традициям, менталитету. Конечно, проще делать теоретические выкладки, подсматривая в замочную скважину буржуазной квартиры. Но куда важнее и разумнее (хотя это намного труднее; может быть, это и отпугивает некоторых ученых) разрабатывать современную концепцию социального развития. Надо идти вперед, а не назад, к капитализму. Да и капиталистические страны не любят называть себя таковыми. Они все более и более «дрейфуют» к социальным гуманным ценностям, основным каркасом которых как раз и являются социалистические идеи. Именно они, положенные в основу «Нового курса» Ф. Рузвельта [7], в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. спасли капиталистическую систему от краха, придав ей второе дыхание. И сегодня, оценивая ведущую тенденцию мирового развития, нельзя не заметить, что она включает в себя многие социалистические ценности. Развивается социальная ориентация производства, создаются механизмы, вовлекающие трудящихся в процесс управления. Производство и распределение, сферы образования, социальное обеспечение во все большей степени попадают под контроль общества. Все это не что иное, как трансформация классических капиталистических государств в страны «всеобщего благоденствия», «постиндустриального общества», «стадии экономического роста» и т. д.; т. е., говоря проще — в страны с социалистической надстройкой: человеческими отношениями, рабочим самоуправлением, чувствительной ролью государства в экономике, и особенно в социальной сфере. Это и есть практическое воплощение идей социализма, реальная **социализация капитализма**. То есть развитые капиталистические страны уходят от своей классовой сущности капитализма, а мы, как очумелые, бросились к нему в объятия.

Поэтому перспектива развития мировой цивилизации видится не в том, чтобы одна система «проглотила» другую, а в соревновании, во взаимном обогащении развития человечества: капитализм вносит в эту сокровищницу свой вклад путем наработки приемов высокопроизводительного труда, социализм — путем отшлифовки социальной гармонии. И оба, конвергируя, (вспомним А. Сахарова, который боролся за эту идею) перерастают в высокоцивилизованное общество, поднимая планку мирового прогресса. Так зачем нам рушить эту вторую половину цивилизованного развития, преждевременно

хоронить социализм, причем нашими же собственными руками?

Из сказанного вытекает одно: необходима разработка научной концепции социализма. Нынешние теоретические представления о социализме во многом остались на уровне 20–30-х гг. XX в., когда общество находилось в совершенно других условиях и решало совершенно иные задачи.

И «несущей конструкцией» подобной концепции неосоциализма должны быть гуманность, свобода, демократия, уважительное отношение к личности, где человек действительно являлся бы целью общественного развития; где была бы высокая социальная защищенность людей, равенство возможностей; где стимулировалось бы развитие творческих способностей, талантов, хозяйственной предприимчивости, высокой гражданской активности. Главное же — социализм должен быть обществом людей труда и для людей труда. Именно демократическая гуманная суть социализма, «человеческое измерение» должно лечь в основу его сердцевины.

Разработка концепции современного социализма неизбежно поставит вопрос об отношении к ленинскому научному наследию и в более широком плане — к традиционному марксизму. Сейчас, когда время гласности стало выбивать нас из «седла» марксизма-ленинизма (где мы безмятежно восседали десятилетиями), многие растерялись. Начали предъявлять необоснованные претензии к учениям Маркса, Энгельса, Ленина. Более того, обливать их грязью. Но если руководствоваться этой методикой, то, пожалуй, и следа не останется от всех гениев человечества (назовем наугад: Аристотель, Платон, Кант, Гегель и т. д.), у которых можно взять в современную жизнь лишь какие-то отдельные крупинки истины. Все остальное вроде бы пустая порода. Но именно из этих гениальных творческих крупин и строится политическая культура, цивилизация. А разве мало рациональных социально-политических импульсов содержится в учении марксизма-ленинизма? И разве виноваты наши классики, что мы оказались ленивыми политическими иждивенцами, не способными по-настоящему развить, обогатить (исходя из современных условий) в своей методологической основе многие правильные их идеи?

Однако верно и другое. Ни одно общество не фетишизирует своих гениев. Почитает — да! Но не обожествляет. Обожествить — значит превратить идею в религию, сковать собственную теоретическую мысль. Да и вправе ли ждать от одного человека (или группы, даже пусть гениальных людей) ответов на вопросы, возникшие много лет спустя? Любая научная теория — это постоянно развивающееся учение, которое корректируется и подпитывается жизнью, коллективными творческими усилиями. Поэтому навряд ли целесообразно особо выделять в этом ряду одного или малую группу людей, тем более называть его (или их) именем теоретическую концепцию. А потому правомерно ли вообще название марксизма-ленинизма? Имеет ли оно право на существование? Хотя идеи, высказанные Марксом, Энгельсом, Лениным, должны, бесспорно, составлять основу научной теории социализма. Но, пожалуй, лишь за Христом должно оставаться право на название своим именем идеологического мировоззрения — христианства. На то она и религия!

И еще одно замечание. Нужно отказаться от фазового представления о социализме. Это никакая не кратковременная стадия, а длительный, разделенный на этапы общественно-политический строй. Не-

обходимо четко отделить социализм от коммунизма. И пока прекратить разговор о последнем. А потому, в силу неразработанности концепции коммунизма, его теоретической абстрактности, по-видимому, было бы целесообразным изъять из названия партии слово «коммунистическая», пусть даже как отдаленной перспективы, будущего идеала. Общественное сознание воспринимает в основном то, что в его представлении реально осознано. Нам надо выходить из теоретического тумана. Ведь та идеология, которая основывается на идеях Маркса, Энгельса, Ленина, — это демократическо-социалистическая идеология. И не больше. Бесплодные проекты — не в пользу партии. На сегодня у нас нет никаких научных данных для того, чтобы обрисовать картину коммунистического общества. Более того, даже с социализмом мы не можем ныне как следует разораться. Дай нам бог разума, чтобы как следует разработать эту концепцию! Так что не надо позволять сбивать себя с толку постановкой «потусторонних» для современности ориентиров. В условиях жесткого политического противостояния необходимо иметь адекватные, ясные социально-политические ориентиры.

Осознаю, сегодня у нас широко бытует представление: не нужно никаких «измов», давайте просто налаживать для человека хорошую жизнь. Но эта удочка на простачка. Любой, скажем строитель, прежде чем возвести мост или какой-либо другой сложный объект, вычерчивает его на ватмане, прикидывает, высчитывает, обосновывает. Так и с обществом. И там, где пренебрегают научной теорией, строя жизнь «на глазок», методом проб и ошибок — там и попадают впросак. Далеко за примером ходить не надо: наша перестройка. Отказавшись от политической «лоцманской» карты, демонтировав социальные «маяки», — и нас начало бросать из стороны в сторону. Издержки, которые возникли в результате этой социально-политической дезориентации, и привели неминуемо нас к сегодняшнему «дикому» капитализму. Ельцинизм лишь углубил эту путаницу, поддержав антинаучную идею деидеологизации и выбросив из Конституции упоминание о необходимости разработки государственной идеологии. Эта «новация» и сегодня красуется в Основном Законе РФ [8].

Безусловно, никто бы не спорил, если бы нам предложили капитализм, допустим, с уровнем жизни шведской или канадской модели. Но это нереально. Чтобы достичь столь «зияющих» высот, тем странам потребовалось более трехсот лет, причем лет с умными правителями, без особых социальных потрясений и самоедства. И кто бы был против, если бы нынешняя капитализация дала положительный результат? Однако этого нет! В борьбе с социализмом потеряно уже два десятилетия не только в России, но и почти во всем бывшем «социалистическом лагере». И во имя чего? Во имя ублажения амбиций вождей-президентов и их придворных советников или все же неумной алчности олигархов? Прошедшие десятилетия показывают, что нынешние сторонники капитализма в бывших соцстранах, в том числе и в России, — люди в основном эгоистичные, антигуманные, бессердечные, люди-античеловеки; люди, для которых чертополох богатства тем приятнее, чем беднее и униженнее основная масса людей. Они, по-видимому, испытывают полный душевный «кайф» лишь тогда, когда вокруг них — сытых, довольных — нищета, униженность, подавленность. Иначе бы они не протаскивали в современную

жизнь упорно и настойчиво подзабытое обращение «господа». А где «господа», там, как известно, должны быть прислуга, чернь, холоуи.

Сегодня нам дано право выбирать своих вождей, от которых зависит будущее страны: продолжить переходный период к социализму или дальше наращивать темпы в капиталистическое «никуда». Нам нужны политики, одаренные особой чуткостью к простым людям, составляющим большинство нашего общества. А это и есть социализм. Никакая другая социально-политическая концепция не ставит в центр внимания простого человека. А потому давайте подойдем к этому вопросу ответственно. Нам нужна не безумная капитализация социализма, а нужна социализация капитализма, как переходного этапа нашей страны от капитализма царского к истинному народному социализму. Лишь в таком случае все встанет на свое место. И потом, **неужели развитие мировой системы «повиснет» навеки на капитализме?!**

Р. С. Отрицание социализма — это не есть признак учёности и цивилизованности. **Это исходит в основном из политических интриг.** Да, безусловно, социализм оказался сегодня в глубоком накауте, но это не повод для того, чтобы отказываться от него. В связи с этим позволю себе такой пассаж. Сегодня всё идёт к тому, что российские демократы начисто измарают понятие демократии, оно уже сейчас вызывает аллергию у многих. Значит ли, что демократия, как таковая, виновата в этом и значит ли, что её нужно запретить, выбросить из арсенала цивилизационного развития? То же самое и с социализмом. Кстати, если всё пойдёт так же «круто», как сейчас, то не исключено, что нашими демократическими усилиями будет опохаблен и капитализм. Уже сегодня у кое-кого из наших западных друзей, да и у многих разумных россиян, волосы встают

дыбом от «строительства» воровского капитализма в России. Так что будущее России не в построении капитализма, причём дикого, а в исправлении социалистической идеи.

Библиографический список

1. Маркс, К. Критика Готской программы // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения : в 68 т. Т. 19. — М. : Изд-во политической литературы; 1961. — С. 9.
2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : в 55т. / В. И. Ленин. — М. : Изд-во политической литературы, 1970. — Т. 41. — С. 317.
3. XXII съезд КПСС. Программа Коммунистической партии советского Союза // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М. : Изд-во политической литературы, 1961. — Т. 10. — С. 128.
4. Брежнев, Л. И. Пятьдесят лет великих побед социализма / Л. И. Брежнев. — М. : Политиздат, 1967. — С. 234.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М., 1989. — С. 739.
6. История США : в 3 т. — М. : Наука, 1983. — Т. 1. — С. 458—459.
7. История США : в 3 т. — М. : Наука 1983. — Т. 3. — С. 213—245.
8. Конституция Российской Федерации. — М. : Омега Л, 2010. — С. 6.

ПОЛКАНОВ Владимир Данилович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой отечественной истории.
Адрес для переписки: 644050, г. Омск, пр. Мира, 11.

Статья поступила в редакцию 14.06.2012 г.

© В. Д. Полканов

УДК 398 (=512. 31)

**И. Б. БАТУЕВА,
В. О. ОЧИРОВ**

Восточно-Сибирская государственная
академия культуры и искусств,
г. Улан-Удэ

РОЛЕВОЙ СТАТУС МУЖЧИНЫ В СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ БУРЯТ

Статья посвящена изучению роли и места бурятского мужчины в семейно-брачных отношениях, рассмотрены ролевой статус и функции мужчины в бурятской семье.

Ключевые слова: гендер, семейная иерархия, отец, сын, муж, старик, глава семейства.

В последнее время в исторической науке, этнографии, социологии довольно широкое освещение получило гендерное направление. Однако, несмотря на увеличивавшийся интерес к гендерным исследованиям, в бурятоведении существуют значительные лакуны в изучении мужской составляющей в традиционной культуре бурят. Одной из важнейших сфер

в системе жизнеобеспечения бурят является семейно-брачная, поэтому в данной статье рассматривается место и роль бурятского мужчины в сфере семейно-брачных отношений в XIX — начале XX веков.

Для начала следует отметить, что хозяином и распорядителем всего имущества семьи являлся мужчина, отец семейства, который пользовался не-

преважаемым авторитетом в патриархальной семье бурят. Фигура отца имела высокий статус и возводилась в культ, никто в семье не смел пренебрегать отцовскими заветами и наказами, а неповиновение воле отца расценивалось как величайший грех. По нормам обычного права бурят, за непокорность и обиду, нанесенную отцу, в адрес виновного могло последовать телесное наказание [1, с. 169]. Слово отца в семье было законом. Все члены семьи обращались к отцу в уважительной форме «Та» (т.е. «Вы») и строго подчинялись его власти: сыновья, до момента совершеннолетия, а дочери до замужества. Чтобы подчеркнуть старшинство отца в семейной иерархии, младшие его называли «эсэгэ», «баабай», «аба. В больших семьях, по словам Б. Э. Петри, совершеннолетие у мужчины наступало в возрасте 18 лет, однако полное совершеннолетие приходило в 35–40 лет, до тех пор сын продолжал подчиняться отцовской воле, после чего он сам становился «полным хозяином» (дурэн-эжин) [2, с. 7]. Исследователь А. Т. Тумурова, придерживается другого мнения, считая, что совершеннолетие у сыновей, наступало при достижении ими 20-летнего возраста либо в случае их женитьбы [3, с. 42].

Дочери также находились под властью отца, однако после замужества переходили в подчинение мужу, поскольку в семейной иерархии муж главенствовал над женой.

Отношения между супругами внешне выглядели довольно сдержанными, холодными. Мужу не подобало проявлять ласку и мягкость в отношении жены, особенно на людях, это являлось показателем слабости мужчины. Так, например, в сочинении Э.-Х. Галшиева «Зерцало мудрости» даются советы правильного обращения с женой на людях:

— «Не смотри часто в сторону жены, приготавливающей пищу. Гость заметит, что ты бессильный, последний муж»;

— «Когда разговариваешь с другими, не заглядывай в лицо жене. Из этого гость может понять, что ты бессильный, последний муж»;

— «Если тебе необходимо по делу посоветоваться с женой, то спрашивай ее в скрытом месте. Если же ты согласишься в присутствии посторонних, это будет посмешищем» [4, с. 170–171].

В то же время необходимо отметить, что мужчина в бурятских семьях, выполняя функции отца и мужа, не позволял себе грубости и самоуправства в отношении к своим детям и жене.

В бурятском обществе за мужчиной закреплялось право иметь несколько жен. В случаях, если жена рожала одних девочек или вовсе являлась бесплодной, а также при согласии жены муж мог позволить себе несколько жен. Стоит отметить, что за каждую жену уплачивался калым, и поэтому мужчина, имеющий несколько жен, обычно был богатым и состоятельным человеком. Дети, которые рождались в браке, автоматически переходили и закреплялись за родом отца, и в случае развода они оставались с отцом.

Мужчина, который имел много детей, пользовался в обществе почетом и уважением. О людях, которые не имели детей, в народе говорили так: «Человек с детьми подобен свече, человек без детей подобен подошве». Одним словом, бездетность подчеркивала неполноценность мужчины и негативно влияла на его статус.

В свою очередь, рождение детей было самым радостным событием в жизни каждой бурятской семьи, в особенности если рождался мальчик-пер-

венец. Отец, как глава семейства, заботился о том, чтобы подготовить себе смену, поэтому рождение сына, было большим событием в жизни мужчины. Отец приобщал сына к физической работе; хозяйственной деятельности: охоте, рыбной ловле, скотоводству, работе в кузнице, домостроительству; воспитывал в сыне смелость и мужество; знакомил с окружающим миром. Поскольку у бурят преваляло скотоводческое хозяйство, отец обучал сына подготавливать скот к гону и отелу, способам лечения скота от болезней, разделывать тушу скота в период забоя; оказывали посильную помощь в строительстве помещений для скота и т. д. [5, с. 22–49]

В результате процесса передачи от отца к сыну необходимых знаний, норм социального поведения, жизненного опыта, сын постепенно становился помощником отца в хозяйственных делах и его приемником. Так, до нас дошли пословицы некоторых народов, в которых отражается связь отца и сына. При жизни отца людей узнавай, а имея коня, с землями знакомься (бур.); что отец не видел — сын увидит (тув.); где гусь не летал — гусенок летает, где отец не бывал — сын побывает (якут.); сын — памятник отцу (нанайск.).

Отец играл важную роль в становлении сына в качестве хозяина семьи, поскольку именно отец занимался вопросами женитьбы сына. К женитьбе сына отцу полагалось поставить ему отдельную юрту. Поэтому, перед тем как женить сына, отец в первую очередь приступал к постройке для него юрты. Стоит отметить, что летом буряты, продолжали жить в войлочных и деревянных юртах, в то время как в зимний период проживали в стационарных жилищах русского типа (наподобие крестьянских изб). У каждого женатого мужчины должна была быть своя юрта, в то же время в зимний период все члены семьи могли проживать совместно в зимнем доме. Лишь в зажиточных семьях строились отдельные дома для сыновей, в то время как в менее состоятельных семьях процесс накопления средств, для постройки дома затягивался на долгие годы. Иногда отцы начинали строить юрты сыновьям заблаговременно, задолго до их брачного возраста.

Еще одной из обязанностей отца являлась уплата калыма. В уплате калыма и проведении свадьбы участвовал весь родственный коллектив, особенно старались помочь те, у кого имелись сыновья, в последующем они могли рассчитывать на ответную помощь. Однако основные расходы ложились на плечи отца жениха.

На основе архивных данных можно судить о степени расслоения бурят и проследить за динамикой роста стоимости калыма: В 1800 году стоимость калыма составляла 20 руб., в 1850 году — 30 руб.; в 1865 году калым стал 100 руб., вдобавок еще шли лошадь, корова, овца, коза. В 1875 году стоимость калыма составляла 250 руб. и 7 голов скота разного рода: один конь — арани морин («лошадь помолвки»), одна стельная корова (вынашивающая в себе плод), ждущие приплода овца и коза, в итоге получается 7 голов, потому что одна стельная корова, суягные овца и коза считались за две. Не богатый человек проводил сватовство, когда сын был ребенком, и отец потихоньку выплачивал калым (сватовство проходило при малолетстве жениха и невесты). Бедный бурят платил 1 рубль, 1 пуд хлеба, 1 пуд мяса, воз сена, барана, козу, бочонок рыбы. Бывали случаи, когда богатый бурят платил 300 рублей и 10–15

голов скота. Дочь богатого бурята имела одежды на 1000 руб., имела приданое 50 голов скота [6].

Решающая роль мужчины в хозяйственной жизни обеспечивала ему власть не только в патриархальной семье, но давала и «голос» в обществе, где мужчина выступал от лица семьи. На общественных собраниях бурят (сугланах), представляли и обладали правом голоса только мужчины — главы семейств (исключение составляли возглавлявшие хозяйства вдовы с несовершеннолетними детьми).

Примерно к 60 годам мужчина достигал старости. В период старости пожилые хозяева играли ведущие роли в идеологической и ритуальной жизни социума. Старики были хорошо знакомы с ритуалами, обычаями и обрядами. Так, например, на протяжении всех этапов свадебного цикла старики приносили жертвы различным божествам, духам, старики были знатоками обрядовой поэзии, поэтому ими произносились благопожелания в адрес молодых, гимны-призывания, часто старики были сватами на свадьбах. В дни праздника Белого месяца, перед Сагалганом, старики от каждого улуса, отправлялись в дацан и принимали участие в обряде «Дужжуубэ» (священный костер)¹.

В патриархальной семье и традиционном обществе бурят старики пользовались бесконечным уважением, и их почитание возводилось в культ. Старики являлись свидетелями прошлого, носителями и хранителями древних традиций, заботились о сохранении «обычаев предков» и трансляции их следующим поколениям. Они наставляли и воспитывали подрастающее поколение. Как отмечал Б. Э. Петри, каждый старик-бурят обязан был знать свою родословную и важнейшие эпизоды из истории своего рода [7, с. 5]. Старики зорко следили за моральным, нравственным обликом общества и владели знаниями об основах общественного устройства. На этот счет существует бурятская поговорка: «Скот живет благодаря кормам, дети — благодаря нравочениям стариков». По мнению С. Г. Жамбаловой, авторитет и статус почетных стариков был настолько велик, что в некоторых случаях даже превышал значимость роли шаманов в традиционном обществе бурят [8, с. 385].

Со смертью отца главой семьи становился старший женатый сын либо кто-нибудь другой из сыновей, который был более энергичным, умелым, способным лучше управлять хозяйством [9, с. 25].

После смерти отца имущество семьи наследовалось сыновьями (в том числе приемными). Имущество в равных долях передавалось каждому из сыновей. Если же на момент раздела кого-либо из братьев уже не было в живых, то его доля, переходила к его детям. Процессом раздела имущества занимались старики-сородичи.

Стоит отметить, что земельные наделы, закрепленные за семьей (покосные и пахотные земли), переходили по наследству только к сыновьям. Иногда в числе наследников мог оказаться внук деда, которого старик брал на воспитание, в дальнейшем мальчик имел право наследовать имущество деда наравне со своим отцом и дядьями [10, с. 31]. Таким образом, можно констатировать, что в наследственных отношениях бурят, мужчина занимал привилегированное положение.

Во второй половине XIX в. наблюдался процесс распада большой нераздельной семьи на малые самостоятельные хозяйства, раздел имущества при жизни отца, становился обычным явлением. Как правило, отец, женив сына, выделял ему имуще-

ство — «онч», для ведения самостоятельного хозяйства. Отец по своему усмотрению выделял имущество для своих сыновей. Даже при несправедливом дележе оспаривать мнение отца считалось греховным. При разделе имущества споры и конфликты возникали крайне редко. Сыну оставалось лишь довольствоваться тем, что выделял ему отец.

Во время раздела имущества отцовская доля была равна долям сыновей, но из уважения к отцу ему обычно отводилась лучшая часть хозяйства.

Первым отделялся старший женатый сын, из имущества отца ему доставались скот, домашняя утварь и определенная часть земли. По сведениям М. Н. Хангалова, буряты Предбайкалья в XIX в., после женитьбы сыновей, строили им жилье, выделяли скот, а также сыновья получали в пользование покосные угодья и пастбища. Впоследствии таким же образом выделялись и оставшиеся сыновья, в итоге родители оставались с младшим сыном (*отхон хубун*). По традиции, младший сын являлся наследником отца и его владений, хранителем родового очага, стержнем семьи. Именно младший сын должен был позаботиться о родителях в старости, а затем, соблюдая все традиции, достойно их похоронить.

По обычному праву бурят, младший сын наследовал отцовскую юрту, надворные постройки, сельскохозяйственный инвентарь, личные вещи отца, а также принадлежавшие отцу наделы земли (сенокосные участки-утуги, пастбища).

Если в семье совсем не было сыновей, тогда родители оставались с одной из дочерей, которая наследовала все имущество отца и принимала в дом мужа-примака.

В случаях кончины родителей ответственность по содержанию не самостоятельных младших детей переходила к старшим братьям. Старшие до самого совершеннолетия содержали младших, при этом занимались вопросами, связанными с женитьбой, наделением имуществом братьев, приготовлением приданого сестрам. Стоит сказать, что такая обязанность была безвозмездной, даже после того как младшие братья и сестры вырастут и будут иметь собственные хозяйства, старшие не имели права требовать возмещения убытков от младших. Старший брат не мог рассчитывать на возмещение расходов, и в случае содержания родителей. В ст. 29 Хоринского уложения 1808 г. говорится, что родители, которые обеднели, но при этом успели женить и наделить имуществом старшего из сыновей, в то время как остальные дети оставались неустроенными. Старший был обязан содержать своих родителей и младших братьев и сестер. В дальнейшем старший брат вместе с родственниками должны были женить младших братьев и наделить их юртой и скотом [1, с. 175].

Социальное положение мужчины в бурятской семье отразилось и на традиционном быте. Например, внутренне пространство юрты делилось на правую и левую сторону от входа. Западная, правая сторона юрты (левая при входе) считалась «мужской» стороной, а противоположная ей — «женской». На правой стороне хранились конская сбруя, охотничье снаряжение — мужские атрибуты, связанные с мужской трудовой деятельностью. Правая сторона юрты считалась почетной, где обычно принимали гостей, мужчин. Женщинам (кроме дочерей) запрещалось проходить на мужскую половину.

Таким образом, в условиях существования у бурят патриархальной семьи фигура мужчины занимала центральное место. Это объясняется тем,

что мужчина играл важную роль в экономической жизни семьи, служил ее главной опорой. На плечи мужчины ложились забота о содержании семьи, управление хозяйством. Мужчина у бурят, как отец семейства, играл важную роль в воспитании подрастающего поколения (мальчиков), в привитии им навыков ведения традиционного хозяйства. Такие важные вопросы, как выдача замуж дочерей, уплата калыма и его имущественное выделение, содержание престарелых родителей, участие в общественной жизни, также входили в круг вопросов, которые решал мужчина. Кроме того, мужчина в патриархальной семье и традиционном обществе бурят играл важную структурообразующую роль в продолжении существования рода, социума, являлся ключевым звеном, обеспечивающим сохранение и воспроизводство национально-культурных традиций и обычаев.

Примечание

¹ Чтобы наступающий год был более благополучным, на священном костре сжигался «сор», магический конус, который заключал в себе все плохое уходящего года.

Библиографический список

1. Самоквасов, Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев / Д. Я. Самоквасов. — Варшава, 1876. — 282 с.
2. Петри, Б. Э. Внутриродовые отношения у северных бурят / Б. Э. Петри. — Иркутск, 1925. — 71 с.
3. Тумурова, А. Т. Обычное право бурят (Селенгинское уложение 1775 года) / А. Т. Тумурова. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2004. — 116 с. — ISBN 5–85213–768–5.
4. Галшиев, Э.-Х. Бэлигэй толи: Шулуэгууд / Э.-Х. Галшиев. — Улаан-Удэ : Буряадай номой хэблэл, 1993. — 352 с. — ISBN 5–7411–0565–3.

5. Батуева, И. Б. Буряты на рубеже XIX–XX веков (Хозяйство бурят. Скотоводство в дореволюционный период); историко-этнографический очерк / И. Б. Батуева. — Улан-Удэ : Сибирь, 1992. — 74 с.

6. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 362. Оп. 1. Д. 18. Л. 12 об.

7. Петри, Б. Э. Территориальное родство у северных бурят / Б. Э. Петри. — Иркутск, 1928. — 23 с.

8. Жамбалова, С. Г. К вопросу о разграничении ролей старика и шамана в бурятском социуме / С. Г. Жамбалова // Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: к 350-летию присоединения Бурятии к России : сб. науч. ст. — Улан-Удэ ; Иркутск : Оттиск, 2011. — С. 380–385.

9. Басаева, К. Д. Брак и семья у бурят / К. Д. Басаева. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1991. — 192 с. — ISBN 5–7411–0513–0.

10. Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности : перевод с монг. Б.Д. Цибинов / отв. ред. Р. Е. Пубаев, Н. В. Ким. — Новосибирск : Наука, 1992. — 312 с. — ISBN 5–02–029757–7.

БАТУЕВА Ирина Батовна, доктор исторических наук, профессор, декан гуманитарно-культурологического факультета.

Адрес для переписки: e-mail: i.batueva@mail.ru.

ОЧИРОВ Виталий Олегович, аспирант кафедры истории.

Адрес для переписки: e-mail: oskar_86@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 27.03.2012 г.

© И. Б. Батуева, В. О. Очиров

УДК 327.35“173”+342.531

Т. А. БЕЛОВА

Омская государственная
медицинская академия

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1730 г. И ВЕРХОВНЫЙ ТАЙНЫЙ СОВЕТ

В 1730 г. Верховный тайный совет попытался ограничить самодержавие в России. Однако данные планы верховников «оживили» русское дворянское общество, озлобленное проблемами власти в стране и формой управления. Планы верховников были сорваны.

Ключевые слова: Верховный тайный совет, дворянство, самодержавие, эпоха «дворцовых переворотов».

При вступлении на престол Анны Ивановны Верховный тайный совет предпринял драматическую попытку ограничить самодержавную власть. Данным событиям посвящена обширная литература. В частности, документальная база освещения этих событий обстоятельно исследована Г. А. Протасовым и А. И. Юхтом [1–3]. Историческую литературу о событиях января–февраля 1730 г. можно условно разделить на два направления. Представители перво-

го направления (А. С. Алексеев, С. М. Соловьев и др.) [4, 5] полагали, что верховники представляли партию родовитых в борьбе против партии «худородных». Они решили ограничить самодержавие в силу своих олигархических побуждений и, действуя скрытно, пытались навязать свои идеи новой императрице Анне Иоанновне. Дворянство же, узнав о планах верховников, воспротивилось этому и восстановило самодержавие. Е. П. Карнович, Д. А. Корсаков,

П. Н. Милюков и др. [6–8] предполагали наличие в планах верховников конституционных устремлений.

Оба мнения продолжают существовать и ныне. Первое сохранилось почти в неизменном виде в работах Е. В. Анисимова. Он пишет: «План верховников был по-жюльнически прост: представить Анне кондиции как волю «общества», а после получения ее подписи под ними поставить «общество» перед совершившимся фактом ограничения власти императрицы в пользу Верховного тайного совета. В этом и состояла суть чисто олигархического переворота, задуманного Голицыным» [9, с. 179].

Есть среди современных историков и иные толкования. Оценка попытки переворота 1730 г. как уникального и выдающегося события в российской истории, как попытки подлинного цивилизационного прорыва прозвучала, например, в статье С. А. Седова [10]. Автор привлекает внимание к донесениям иностранных резидентов в России об этих событиях — английского посланника К. Рондо, саксонского посланника Лефорта, прусского посланника А. Мардефельда и других, которые в своих корреспонденциях четко оценили планы верховников как стремление изменить существующую форму правления в России, ограничить самодержавие, «введя образ правления, подобный английскому» [10, с. 48–49]. Важен вывод автора о том, что «большинство дворянства поддерживало верховников в стремлении ограничить самодержавие, однако вопрос о выборе новой формы правления вызывал разногласия [10, с. 51–53]. Собственно, на этом и споткнулись организаторы переворота 1730 г.

Целью статьи не является подробный анализ событий начала 1730 г., поскольку историческая литература изобилует подобными исследованиями. Нас будет интересовать лишь роль Верховного тайного совета в этих событиях. Но прежде обратимся к той политической обстановке, которая сложилась в момент смерти юного императора Петра II. Особенность ситуации заключалась в том, что в Москву на предстоящую свадьбу императора с Екатериной Долгорукой съехалось множество генералов, крупных и средних чиновников, офицеров и провинциальных дворян. И членам Верховного тайного совета необходимо было, прежде всего, решить, как после смерти Петра II избирать новую царствующую особу: одним советом или вместе с генералитетом, военными и статскими, сенатскими и высшими церковными иерархами. Проблема заключалась еще и в том, что строго законного выхода из династического кризиса не существовало вообще: петровский закон о престолонаследии был бесполезен, так как по нему наследника мог назначать только предшествующий государь, а Петр II этого не сделал. И верховникам необходимо было выбрать путь, наиболее похожий на законный. Петр умер 19 января 1730 г. в Москве, не приходя в сознание. В последнюю ночь у постели умирающего дежурил князь Иван Алексеевич Долгоруков. По смерти Петра II верховники собрали экстренное совещание. Их было четверо: Г. И. Головкин, Д. М. Голицын, А. Г. и В. Л. Долгорукие. Кроме того, на совещание были приглашены сибирский губернатор, дядя невесты, М. В. Долгорукий, а также два фельдмаршала — М. М. Голицын и В. В. Долгорукий. Других сановников, находившихся в это время у тела царя, не позвали. А среди них были фельдмаршал И. Ю. Трубецкой, П. И. Ягужинский, церковные иерархи. Участие В. Н. Татищева в этих событиях известно по документу, написанному им самим [11, с. 146–152].

Совещание проводили Д. М. Голицын и два фельдмаршала М. М. Голицын и В. В. Долгорукий. Они предъявили фальшивое завещание в пользу невесты покойного императора Екатерины Долгорукой, но их хитроумному плану не суждено было сбыться. Тогда Д. М. Голицын обратился к присутствующим, согласно воспоминаниям датского посланника Вестфалена: «Братья мои! Господь, чтобы наказать нас за великие грехи, которые совершались в России больше, чем в любой другой стране мира, особенно после того, как русские восприняли модные у иностранцев пороки, отнял у нас государя, на которого возлагались обоснованные надежды. А так как Российская империя устроена таким образом, что необходимо, не теряя времени, найти ей правителя... коего нам нужно выбрать из прославленной семьи Романовых и никакой другой. Поскольку мужская линия этого дома полностью прервалась в лице Петра II, нам ничего не остается, как обратиться к женской линии и выбрать одну из дочерей царя Ивана — ту, которая более всего нам подойдет» [7, с. 71–72].

Наиболее подходящей кандидатурой на русский престол Дмитрий Михайлович считал курляндскую герцогиню Анну Ивановну. Его аргументация была следующей: «Она еще в брачном возрасте и в состоянии произвести потомство, она рождена среди нас и от русской матери, в старой хорошей семье, мы знаем доброту ее сердца и прочие ее прекрасные достоинства, и по этим причинам я считаю ее самой достойной, чтобы править нами» [7, с. 71–72].

Посмотрим, кто же еще мог в тот момент претендовать на русский престол. Очевидно, что в 1730 году можно было полностью реализовать положение Тестаменты Екатерины I, 8-й пункт которого гласил: «Ежели великий князь без наследников преставится, то имеет по нем цесаревна Анна со своими Десцендентами, по ней цесаревна Елисавета и Ея Десценденты наследовать...» [12]. Иначе говоря, после смерти бездетного Петра II и Анны Петровны, которая умерла весной 1728 г., на престол должен был вступить ее сын Карл Петр Ульрих, Голштинский принц. Но о правах двухлетнего внука Петра Великого, как и о правах цесаревны Елизаветы никто не вспомнил.

Анна Ивановна же была подходящей кандидатурой для верховников на русском престоле. Она не была счастлива в замужестве, скоро после свадьбы овдовела. Все принадлежавшие ей имения были заложены, поэтому не на что было жить, и приходилось пользоваться унижительными подачками от петербургского двора. Ее руки добивались многие безземельные немецкие князья, лившиеся на курляндское наследство. Одно время большой шанс стать ее вторым мужем имел принц Мориц Саксонский, но проект этого брачного союза был разбит Меншиковым, который сам стремился стать курляндским герцогом. Таким образом, можно было рассчитывать, что Анна Ивановна не задумается над предложением оказаться на русском престоле, хотя бы и с ограниченной властью.

Члены Верховного тайного совета разработали определенные условия — «кондиции», на которых Анна Ивановна могла стать императрицей. Вместе с приглашением принять российскую корону она получила и эти условия, сформулированные в виде ряда пунктов. С нашей точки зрения, кондиции верховников представляют собой первую юридически оформленную и довольно решительную попытку ограничения самодержавия в русской истории. Без согласия Верховного тайного совета императрица

не могла назначать себе наследника, не имела права выходить замуж и тем самым продолжать практику наследования российской короны. Государыня не имела также права начинать войну, заключать мир, определять размеры собственных налогов, раздавать в личное владение государственные деревни, земли, а также одаривать людей деньгами из казны. Царице запрещалось отнимать без суда «живота, чести и имения» у дворянства. Она не имела даже права жаловать армейских офицеров званием выше полковничьего. Все это запрещалось делать без ведома Верховного тайного совета, состоящего из восьми персон [7, с. 8].

Само содержание условий верховников свидетельствует о крайней узости их социальной опоры. Лишь один пункт предусматривал привилегии дворянства в целом, но и он никаких гарантий правовой защиты не содержал. Все остальное сводилось к передаче власти очень небольшой кучке олигархов. Именно так и был понят этот демарш в более широких кругах придворной элиты и дворянства. Верховники не только не ожидали поддержки, но, напротив, опасались противостояния со стороны всего привилегированного сословия.

19 января «Кондиции» были отправлены в Курляндию. Верховный тайный совет представил их Анне Ивановне как акт решения «всех чинов». В этой связи в состав делегации, отправленной в Курляндию, были включены представители Верховного тайного совета (В. А. Долгорукий), Сената и генералитета. «Чином» же, в свою очередь, было решено целесообразным представить «Кондиции» после подписания их императрицей и от ее имени.

Сразу после отправки «Кондиций» из Москвы Верховный тайный совет дополнил их еще одним документом — «К прежде учиненному определению дополнение». В нем предусматривались льготы некоторым сословиям. Так, для дворянства планировалось облегчение службы в армии, для купечества — возобновление вольной торговли и пересмотр тарифа и т. д. Дальше этих планов рассуждения верховников не шли [2, с. 231].

К приезде Анны Ивановны в Москву в Верховном тайном совете был составлен новый документ, известный под названием «Пункты присяги», или «Присяга», наиболее полный пересказ которого можно найти в работах С. М. Соловьева [5] и Д. А. Корсакова [7, с. 13–19, 182–183], а наиболее обстоятельный анализ — в работах Г. А. Протасова [1]. Документ состоит из двух частей. Первую, меньшую, составляют «Кондиции», а также сведения о смерти Петра II, избрании Анны Ивановны на царство, отправке к ней в Курляндию делегации и возвращении представителя последней в Москву с «Кондициями». Это основополагающая часть документа. Вторая, большая, часть состоит из 16 пунктов, каждый из которых содержит установление по тому или иному вопросу государственного управления и государственного устройства.

Программа верховников вызвала многочисленные дискуссии среди историков. Особенно подробно рассматривает эту проблему П. Н. Милуков в своей работе «Верховники и шляхетство» [8], где он анализирует влияние шведского конституционного опыта на мировоззрение верховников и особенно, их главного идеолога — Д. М. Голицына. Он отметил, в частности, существенное сходство проекта Голицына со шведскими установлениями, но не современной ему эпохи, а более раннего времени, до начала XVIII в. Сопоставление «Кондиций» с их шведскими образ-

цами привело его к выводу, что верховники выбрали из них только то, что определяло долю участия Государственного совета в верховной власти. Участие же представителей сословий в управлении, было совершенно оставлено в стороне.

Однако уже в момент развития событий 1730 г. вырисовывается и другая позиция. Проект олигархического образа правления вызвал самую негативную реакцию более широкого круга дворянства. По справедливому замечанию историка А. Б. Каменского: «Главный урок событий 1730 года состоял в том, что он продемонстрировал взрослому политическую самостоятельность дворянства, его готовность отстаивать свои сословные интересы, все большее влияние на политическую жизнь страны... С другой стороны, проявилось и отсутствие опыта политической борьбы, низкий уровень политической культуры и... неспособность выйти за рамки узкосословных интересов» [13, с. 156].

Дворянство не ограничилось исключительно дискуссиями политического характера, а подготовило более десятка проектов реформ, которые подписало весьма значительное число людей (более 1000 человек). Тот факт, что в считанные дни удалось создать сложные политические документы, ясно свидетельствует, что они были хорошо подготовлены, а высказываемые в них требования осмыслены заранее. Для политической реальности российского абсолютизма XVIII в. была необычна практика создания публичного обсуждения и коллективного подписания текстов политических проектов, касающихся реформирования режима. Даже общее число текстов служит свидетельством о степени политической активности дворянского общества. Подсчет общего числа текстов проблематично, поскольку связано с практикой различного обозначения проектов — по фамилии (проект Матюшкина, проект Грекова и т. п.) или по числу подписей (проект 361-го, 25 и т. п.). Поэтому первый исследователь проектов Д. А. Корсаков приводит их общее число приблизительно, называя цифры 12–17. А. И. Юхт справедливо отмечал, что представление о каждом экземпляре как об отдельном проекте вносит путаницу в вопрос о числе дворянских проектов [3]. Автор специального историко-ведческого исследования Г. А. Протасов свел общее число основных проектов к семи [2].

Что касается самих проектов, то в них нашла отражение, прежде всего, общая идея о необходимости контроля над управлением, особенно за распределением государственных средств со стороны выборных представителей дворянства. Конкретные подробности преобразований, однако не получили достаточной разработки.

Таким образом, в 1730 г. дворянское общество было озабочено проблемами власти в стране и формой управления. Под натиском общественности прибывшая из Митавы императрица приказала подать кондиции, подписанные там ею. «И те пункты Ея Величество при всем народе изволила, приняв, изодрать» [7, с. 277]. Так зафиксировал событие один из последних журналов Верховного тайного совета. Планы верховников были сорваны.

Вскоре последовала ликвидация Верховного тайного совета. Манифестом от 4 марта 1730 г. Верховный тайный совет был упразднен, а Высокий Сенат вновь стал Правительствующим [14]. Бывшие члены Верховного тайного совета некоторое время еще сохраняли свое влияние в Сенате, Кабинете министров и др. В частности, после создания 6 октября 1731 г. Анной Ивановной Кабинета министров [15]

в него входили некоторые бывшие верховники, а именно, Г. И. Головкин и А. И. Остерман. Кабинет получил широкие права в области внутренней и внешней политики, законодательства, наблюдал за судебными и финансовыми делами, решал важнейшие административные вопросы. Но некоторых членов Верховного тайного совета постигла страшная расправа. После восшествия на престол Анны Ивановны Долгоруковы были обвинены в «оскорблении величества», «разрушении здоровья» императора Петра II, казнокрадстве и др. Василий Лукич Долгоруков с Иваном Алексеевичем Долгоруковым — фаворитом Петра II, который не был членом Верховного тайного совета, были казнены (четвертованы). Алексей Григорьевич Долгоруков с семьей был сослан в Сибирь, Василий Владимирович Долгоруков резко осуждал Анну Ивановну за гонения на своих родственников, за что также подвергся гонениям в царствование Анны Ивановны. Голицыны — Дмитрий Михайлович и Михаил Михайлович — распрощались с политической карьерой.

Таким образом, политическое движение 1730 г. не привело к реализации намеченной цели, т.е. к ограничению самодержавной власти, Верховный тайный совет был распущен, но на его месте появился подобный орган государственной власти — Кабинет министров — со схожими функциями. Эта ситуация была особенностью эпохи «дворцовых переворотов», когда слабым государям помощь в управлении государством оказывали специальные органы государственной власти.

Библиографический список

1. Протасов, Г. А. Верховный тайный совет и его проекты 1730 г. / Г. А. Протасов // Источниковедческие работы. — Тамбов, 1970. — Вып. 1. — С. 65–103.
2. Протасов, Г. А. Кондиции 1730 г. и их продолжение. / Г. А. Протасов // Ученые записки Тамбовского педагогического института. — 1957. — Вып. — 15. — С. 215–231.
3. Юхт, А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII века. / А. И. Юхт. — М.: Наука, 1985. — 368 с.
4. Алексеев, А. С. Сильные персоны в Верховном тайном совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоановны. / А. С. Алексеев. — М., 1898. — 164 с.

5. Соловьёв, С. М. Сочинения : В 18 кн. Кн. 10 : История России с древнейших времен. Т. 19—20 / Отв. ред. : Кошцова В. В. / С. М. Соловьёв. — М. : Голос; Колокол — Пресс, 1999. — 781 с.

6. Карнович, Е. П. Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 г. / Е. П. Карнович // Отечественные записки. — 1872. — Т. СХІХ. — Кн. 1, 2.

7. Корсаков, Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. / Д. А. Корсаков. — Казань : Типография Императорского университета, 1880. — 406 с.

8. Милоков, П. Н. Верховники и шляхетство : дворцовый переворот 1730 г. / П. Н. Милоков. — Ростов н/Д : Изд-во Н. Е. Парамонова «Дон. речь», 1905. — 72 с.

9. Анисимов, Е. В. Россия без Петра : 1725—1740 / Е. В. Анисимов. — СПб. : Лениздат, 1994. — 496 с.

10. Седов, С. А. Попытка государственного переворота 1730 г. в России / С. А. Седов // Вопросы истории. — 1998. — №7. — С. 47—62.

11. Татищев, В. Н. Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном. // Татищев, В. Н. Избранные произведения. / В. Н. Татищев. — Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1979. — 464 с.

12. Тестамент, блаженной памяти, императрицы Екатерины I // ПСЗ РИ. — Т. 7. — № 5070. — Пункт 8.

13. Каменский, А. Б. Российская империя в XVIII веке : традиции и модернизация. — М. : Новое лит. обозрение, 1999. — 328 с.

14. Об уничтожении Верховного тайного совета, и о возобновлении по прежнему правительствующего Сената // ПСЗ РИ— 1. — Т. 8. — № 5510.

15. Об учреждении Кабинета министров // ПСЗ РИ— 1. — Т. 8. — № 5684.

БЕЛОВА Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социально-гуманитарных и экономических наук. Адрес для переписки: belova.t.a@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.06.2011 г.

© Т. А. Белова

Книжная полка

Латыш, В. В. Античные монеты : иллюстрированный словарь / В. В. Латыш. — М. : Любимая книга, 2011. — 292 с. — ISBN 978-1-932525-74-8.

Настоящая книга является результатом долгого и кропотливого труда, до этого подобных изданий на русском языке еще не было. Большой объем систематизированного фактологического материала сопровождается в ней богатым иллюстративным рядом. Античная нумизматика, как никакая другая, теснейшим образом связана с историей и религией, мифологией и символикой древнего мира, поэтому мы уверены, что данное издание станет востребованным и незаменимым подспорьем в изучении, расшифровке и толковании изображений и надписей, имеющихся на античных монетах. Справочник предназначен для коллекционеров, исследователей, специалистов-нумизматов, научных работников и всех интересующихся как античной историей, так и историей денежного обращения.

ФЕНОМЕН «ФАШИЗМА» НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ В РОССИИ И ЕГО РАЗВИТИЕ В СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. ЧАСТЬ I

Представлена проблема зарождения фашизма в России в начале XX века; рассмотрены причины возникновения, исследованы идейные установки, выявлены разновидности, а также специфика русского фашизма на фоне мирового фашистского движения.

Ключевые слова: черная сотня, шовинизм, национализм, фашизм.

Одним из дискуссионных вопросов отечественной истории является вопрос о существовании в России в начале XX века социально-политического течения, которое можно обозначить как «российский фашизм». Исследователи, признающие существование данного феномена в указанный период, ставят вопрос о причинах его возникновения, сущности, видах и движущих силах. О том, что элементы, которые можно классифицировать как фашизм, в России существовали еще до революции 1917 г., заявил один из идеологов белого движения В. В. Шульгин [1, с. 288 – 289], о формирующейся системе фашизма в Сибири периода колчаковщины писал эсер Е. Е. Колосов [2, с. 144]. Свидетельства о том, что белое движение в Сибири принимало форму фашизма, оставил в своих воспоминаниях колчаковский генерал К. В. Сахаров [3, с. 314]. Идеолог русского фашизма И. А. Ильин в работе «О фашизме» привел сведения о программе фашистского движения в годы Гражданской войны [4].

В советской исторической литературе исследований по истории фашизма в России было немного. Первым сравнил русских черносотенцев с итальянскими фашистами в письме к Г. В. Чичерину [5, с. 310] и в речи на IV Конгрессе Коминтерна в 1922 г. [6, с. 293] В. И. Ленин. В двадцатые годы появились работы В. Н. Залежского «Монархисты» [7] и С. Б. Любоша «Русский фашист Владимир Пуришкевич» [8], а также вступительная статья В. П. Викторова к сборнику документов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. В этой статье В. П. Викторов рассматривает идеологию черносотенного движения как форму фашистского мировоззрения, социальную базу данного движения и тактику политической борьбы [9, с. 5 – 7, 10, 15].

В тридцатые годы советские исследователи в основном изучали феномен европейского фашизма [10, с. 192 – 244]. Возможно, поэтому нет упоминаний о «русском фашизме» в исследованиях, посвященных черносотенцам России, хотя этому движению, как явлению социально-политической жизни страны начала столетия, было уделено серьезное внимание [11]. Только в 1941 г. на торжественном со-

брании, посвященном 24-й годовщине Октябрьской социалистической революции, в политическом докладе И. В. Сталин сравнил русских черносотенцев с национал-социалистами Германии [12, с. 28].

В послевоенный период в научных исследованиях, прямо или косвенно относящихся к истории черносотенного движения в России, нет упоминаний о фактически фашистском характере данного социально-политического явления жизни страны начала столетия. Так, Л. М. Спирин категорически отрицал фашистскую форму данного движения, считая, что для него в России не было социальных условий [13, с. 66]. Современный американский исследователь У. Лакёр вновь поднял вопрос о наличии фашизма в России в начале XX века [14]. Поэтому вопрос о причинах возникновения феномена фашизма в России требует изучения и осмысления для понимания истории развития русской революции, а также процессов модернизации общества.

В начале XX века основной проблемой России в процессе всесторонней модернизации страны являлось определение формы идеологии будущего российского общества и его государства. Официальная идеология системы самодержавия (доктрина «Самодержавие, православие, народность») [15, с. 123 – 130], цементирующая в XIX веке российское общество, в начале нового столетия, выполнив свою историческую миссию, уже не соответствовала потребностям страны, в которой проходили глубокие процессы всесторонней модернизации [16, с. 287 – 323]. Наличие этой проблемы наглядно показала русская революция 1905 – 1907 гг. В революционные и последующие дни началась апробация различных идеологических установок, предложенных основными политическими партиями страны. Основным вопросом в определении формы новой идеологии являлась судьба России как многонационального государства. Подъем волны национализма настоятельно требовал разрешения этой проблемы [17, с. 290 – 292]. В условиях общего кризиса империи представители национальных партий Польши Закавказья, Прибалтики, Украины и Финляндии стояли на позициях признания их абсолютного права на самоопределение как внутри Российской им-

перии, так и вне ее рамок [18, с. 70–71, 93, 101, 107, 112, 121, 125, 134, 138].

Особую позицию занимали еврейские националисты, стремившиеся организовать массовый исход российской еврейской диаспоры на территорию Палестины, где, по решению Базельского конгресса сионистов 1897 г., должно было возникнуть государство Израиль [19, с. 9]. Официальные власти страны и русская национальная буржуазия категорически были против какого-либо формирования областных автономий на территории империи и, тем более, отделения окраин от России [20, с. 305–306]. В наиболее концентрированной форме отрицание права народов Российской империи на самоопределение было представлено в идеологических установках общественно-политического движения консервативных слоев населения великорусских губерний, получившего неофициальное название «черная сотня», или «чернь» [21, с. 201].

Толчком к возникновению черносотенного движения в России послужила перспектива ограничения в ходе Первой русской революции полномочий системы самодержавия, по традиции рассматривавшаяся консервативными группами населения российского общества как гарант общей стабильности в стране. Один из основателей черносотенного движения и его теоретик А. А. Майков заявил: «Черносотенцы признают, что исключительное господство капитала есть великое зло, и считают, что только неограниченная Царская власть способна охранить народ от чрезмерного гнета капиталистов» [22, с. 28]. Первая стихийная волна черносотенного движения была представлена в основном политически малообразованными городскими и сельскими «низами» русского общества, народным, демократическим по своему содержанию движением [20, с. 141–143]. На эту особенность обратил внимание В. И. Ленин: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это — темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий» [23, с. 12].

Специфика идеологии движения черносотенцев состояла в попытке разрешить триединую задачу. Во-первых, сохранить патриархальную самобытность великоросской нации по формуле доктрины «официальной народности». Во-вторых, не допустить развала Российской империи на «национальные кварталы». В-третьих, подавить в стране социалистическое и либеральное движения, которые являлись, по мнению консервативных идеологов этого движения, источником всех неурядиц в империи [20, с. 13–49]. Кроме того, черносотенцы выступали за социальные гарантии трудовым слоям великороссов [24, с. 446]. Национализм и шовинизм движения черносотенцев был обусловлен господством в финансовой и промышленной сферах экономики страны иностранного капитала, который поддерживался правительством С. Ю. Витте. Объективной целью движения черносотенцев являлось создание щадящих условий адаптации мелкобуржуазных великоросских слоев к системе монополистического капитализма, который возник в России в начале века. Как заметил А. А. Майков: «Черносотенцы желают полного переустройства русской жизни, осуждают всю правительственную политику, как внутреннюю, так и внешнюю, всего времени и желают самих коренных реформ» [22, с. 23].

Черносотенное движение в России имело ряд сходных черт с фашизмом европейских стран двадцатых годов XX века. В первую очередь необходимо

отметить такую их общую черту как воинствующий национализм, например, «Россия для русских» [20, с. 240]. Данный факт признал А. А. Майков «Учение черносотенников имеет основанием национализм» [22, с. 42]. Во-вторых, это великодержавный шовинизм и официальный или «квасной» патриотизм [20, с. 30], столь знакомые в дальнейшем по риторике Б. Муссолини и А. Гитлера. Эти установки Майков обосновывал тем, что «русские занимали господствующее положение в России» [22, с. 42]. Большое сходство русскому черносотенству и его аналогу в Европе придавала проповедь реваншизма, которая в России была обусловлена позорным поражением в русско-японской войне и последующими неудачами царской дипломатии [25, с. 521–522]. Далее, это массовая социальная база, представленная мелкобуржуазными слоями города, которым в ходе конкуренции с крупным капиталом грозило разорение, а также люмпенизированные и маргинальные группы населения, возникшие в результате развития «дикого» капитализма в России и экономического кризиса рубежа XIX–XX вв. [14, с. 52] Нечто похожее наблюдалось в странах Европы после Первой мировой войны. Общей чертой черносотенства и европейского фашизма является антипарламентаризм. Следующим образом Майков объяснил причины данной политической установки черносотенцев: «Учреждение в России парламентаризма, связанного с ограничением царской власти, отдало бы весь русский народ в руки богачей капиталистов» [22, с. 28]. Еще одна черта, роднившая черносотенство начала столетия с классическим европейским фашизмом, это культ вождя, или вождизм [26, с. 8]. И, наконец, тактика борьбы, полностью основанная на стратегии политического экстремизма и силового терроризма в достижении политических целей [12, с. 28]. Кроме того, синонимичны название боевиков Б. Муссолини «fascio», т.е. связка, пучок, союз [27, с. 61], и самоназвание русских черносотенцев «союзники».

Необходимо отметить еще одно идеологическое сходство русского черносотенного движения и европейских фашистов, в частности Германии, которое заключалось в наличии в их программах элементов доктрины расовой сегрегации. Так, особое место в программных установках черносотенцев занимает отношение к еврейскому и польскому населению империи, которые, по мнению идеологов черной сотни, были нелояльны к системе государственной власти. В отношении этих этнических групп ряд черносотенных организаций допускали установление экономических и социально-политических ограничений [18, с. 42, 44–45]. Идеологические установки черносотенных организаций России по этому вопросу во многом совпадают с Нюрнбергскими расовыми законами, которые были приняты нацистами Германии в 1935 г. [28, с. 704], и их политикой «аризации» в отношении еврейской буржуазии, осуществлявшейся с 1938 г. [29, с. 208].

Оценивая степень фашизации черносотенного движения, У. Лакёр считает, что оно носило как бы переходный характер: «Это движение находится где-то на полпути между реакционными движениями XIX века и правыми популистскими (фашистскими) партиями XX века. Прочная связь «черной сотни» с монархией и церковью роднит ее с первыми, но, в отличие от ранних консервативных движений, она не элитарна. Осознавая жизненно важную необходимость опоры на массы, «черная сотня» стала прообразом партий нового типа» [14, с. 47–48].

Стихийно возникшее черносотенство, как антитеза революционному движению в России, получило в дальнейшем логическое оформление в ряде правых политических партий [18, с. 34–46]. По мнению В. Г. Залежского, политическую группировку «Союз русского народа» необходимо рассматривать как «первую фашистскую организацию задолго до появления фашизма в Европе» [7, с. 30].

Патриархальная форма «русского фашизма», возникшая в ходе русской революции 1905–1907 гг. как инициатива консервативных «низов» русского общества [26, с. 49], отрицала какие-либо реформы и принципы даже усеченной конституционной демократии: «Для черносотенцев в земстве и городской Думе не нужно ничего другого, что есть, а в центре — «долой проклятую конституцию» [30, с. 280–281]. Это не устраивало премьер-министра империи П. А. Столыпина, которого В. В. Шульгин назвал «предтечей Муссолини» [31, с. 48]. О конфликте черносотенной партии «Союз русского народа» с премьер-министром империи оставил свидетельства жандармский генерал А. В. Герасимов, который определил стратегию и тактику борьбы этой организации со своими политическими противниками как «террористы справа» [32, с. 296–307]. Перед П. А. Столыпиным стояла сложная задача реформирования всех сторон жизни страны в условиях революционного кризиса [33, с. 52–60]. В этих условиях все средства, обеспечивавшие решение этой задачи, были допустимы. Поэтому ему необходима была система, получившая в дальнейшем название «фашизм», как структурированное государственное средство давления для борьбы с революционно-демократическим движением и националистами малых народов в России, о чем было заявлено 6 марта 1907 г. во время думских дебатов [33, с. 63–64]. Структурированный «государственный фашизм» позволял воздействовать также и на консервативные группы правящей элиты империи, которые активно возражали против процесса модернизации страны и предпочитали использовать во внутренней политике, кроме элементов государственного террора, еще и стихийный национализм «низов» русского общества. Как заявил член Главного совета Союза русского народа А. И. Соболевский: «Правительство не за нас; оно делает постоянные уступки революции и поблажки «кадетам» и не прочь предоставить им часть министерских кресел» [20, с. 240].

Столыпин в условиях противоречивого процесса государственных реформ пытался ввести элементы системы фашизма «сверху», сделав её частью модернизированной социально-политической структуры российского общества. Как отмечал П. Н. Милоков: «Сам Столыпин в интервью для правительственного официоза «Волга» заявил, что установленный строй есть «чисто русское государственное устройство, отвечающее историческим преданиям и национальному духу. Общим лозунгом... оставался лозунг Гучкова: лозунг «национализма» и «патриотизма» [34, с. 5].

Идеалом для Столыпина был не представитель «охотного ряда», а культурный земельный частный собственник, образцом которого для премьера являлся американский фермер. В свете этой идеологической установки необходимо рассматривать и некоторые организационные моменты «стольпинской» аграрной реформы в европейской части России, а также государственную переселенческую политику. Фермер, «культурный хозяин», должен был стать опорой политического режима, обеспечив

процесс буржуазного реформирования всех сторон жизни страны [33, с. 93–94]. Недаром П. А. Столыпин так упорно осуществлял ломку русской деревенской общины, создавая слой «русских фермеров», т.е. кулачество нового типа. Правый монархист, а затем идеолог белого движения В. В. Шульгин писал: «Основателем русского фашизма я считаю Столыпина. Правда, покойный премьер... сам не подозревал, что он фашист. Но, тем не менее, он был предтечей Муссолини. Столыпин сделал «ставку на сильных». То есть он хотел опереться на энергичное, передовое, инициативное меньшинство. Так же поступил Муссолини. Это же дело продолжает барон Врангель» [1, с. 288–289].

Идеологами «государственного фашизма» выступили, сами того не подозревая, некоторые либеральные философы. Одной из основ этой идеологии стала мысль Н. А. Бердяева, что «нация выше крестьянства, пролетариата, интеллигенции, бюрократии, буржуазии, дворянства» [35, с. 122], а также тезис П. Б. Струве о том, что «русской национальности должна принадлежать гегемония в России» [35, с. 123]. На социальную опору стольпинской системы обратил внимание В. В. Шульгин: «За Столыпина стало меньшинство интеллигенции, но уже с этой поддержкой... Столыпин раздавил первую русскую революцию» [31 с. 48].

Отрицательное отношение П. А. Столыпина к черносотенству было порождено, видимо, его предвидением такого возможного варианта развития событий, при котором стихийное движение «черни» могло выйти из-под контроля власти, а при определенных обстоятельствах черносотенный элемент «низов» русского города мог приступить к реализации идей уравнительного перераспределения частной собственности, в том числе и крупных состояний. Об этом варианте развития событий можно было судить по результатам кампании погромов периода Первой русской революции [20, с. 73–108]. Это предположение необходимо сделать еще и потому, что история германского фашизма дает наглядный пример попытки реализации подобного варианта. Так, в 1934 г. «левое» крыло нацистов во главе с Э. Рэмом и братьями Штрассер, идя навстречу требованиям рядовых штурмовиков, выступило за ликвидацию крупной частной собственности в стране, встав тем самым в оппозицию группе «правых» нацистов во главе с А. Гитлером [36, с. 298].

Один из вождей русской социал-демократии начала века Л. Д. Троцкий указал на экономическую причину возникновения системы «государственного фашизма» в стране: «Россия для русских! Вот лозунг внутренней политики контрреволюции. Оберегать скудный внутренний рынок по возможности для «национального» великороссийского капитала, держать еврейскую буржуазию в путах всевозможных ограничений, обходить польский капитал при распределении казенных заказов, держать чиновничьи, судейские и офицерские места открытыми только для сыновей русского дворянства и великороссийской буржуазии — значит тем теснее привязывать эту последнюю к стольпинскому государственному порядку. Россия для русских! Этой идеей теперь одинаково живут и октябристы, и недавно сплотившаяся национальная партия, и погромно-поповско-полицейские союзы крайних правых» [37, с. 372].

В начале XX века фашизм, как социально-политическое явление, еще не был классифицирован в современных понятиях, поэтому характеристику

его столыпинского варианта можно увязать с определением режима Третьеиюньской монархии как «русского бонапартизма», данным В. И. Лениным: «Бонапартизм — есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархия, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять, подкупать, чтобы нравиться, — браться с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке» [38, с. 273–274]. Л. Д. Троцкий также считал, что для политической практики фашизма характерен бонапартизм [39, с. 511–520].

Данная характеристика дает основание утверждать, что П. А. Столыпин, развивая свой вариант реформ в целях буржуазной модернизации России, вынужден был при ее осуществлении учитывать мнение лидеров консервативного лагеря из правящих кругов страны, предпочитавших делать ставку в этом вопросе на маргинальные слои общества России. Как заметил в своих мемуарах С. Ю. Витте о влиятельном великом князе Николае Николаевиче, что он «мистик, сейчас же вслед за 17 октября обратившийся в обер-черносотенца» [25, с. 38.]. Это свидетельство мемуариста важно еще и потому, что сам монарх Николай II публично демонстрировал поддержку партии «Союз русского народа». Так, 4 июня 1907 г. он послал лидеру партии «Союз русского народа» А. И. Дубровину телеграмму, кончавшуюся словами: «Да будет же мне Союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка» [20, с. 192]. Это вынуждало П. А. Столыпина «брататься с подонками общества», как об этом свидетельствует С. Ю. Витте [25, с. 469–480].

Националистические настроения премьера, его великодержавный шовинизм нашли свое отражение в правительственных мероприятиях при осуществлении государственной переселенческой политики, поскольку одна из задач этой программы — удерживать национальные регионы в составе империи. Русские переселенцы-колонизаторы должны были, по мысли премьера, скрепить прочными узами с метрополией национальные окраины империи, так как от этого «выигрывают и переселенцы... и русская государственность» [40, с. 129]. П. А. Столыпин повторил тезис «Русской монархической партии», которая отличалась черносотенными взглядами, о том, что «необходимо возобновление правительственной заботы о правильной организации переселенческого дела... в смысле прикрепления к России дальних окраин посредством заселения их Русским народом» [18, с. 37].

Несмотря на массовость черносотенного движения в России, оно не стало доминирующим фактором внутренней жизни страны, в отличие от системы П. А. Столыпина. Этому способствовало несколько обстоятельств. Во-первых, это острые противоречия между двумя течениями «русского фашизма», то есть стихийным, «народным», консервативно-клерикальным по своей сути, и официальным государственным, умеренной модернизации, именуемым как «столыпинщина». Во-вторых, отсутствие четко разработанной программы действия на перспективу, такой как «Main Kampf» А. Гитлера. В-третьих, это болезнь вождизма лидеров данного политического движения, не позволившая черносотенцам создать единую и дееспособную организацию [24, с. 448–449].

1. Миронов, С. С. Гражданская война в России / С. С. Миронов. — М.: Вече, 2006. — 416 с.
2. Колосов, Е. Е. Сибирь при Колчаке / Е. Е. Колосов. — Петроград: Былое, 1923. — 193 с.
3. Сахаров, К. В. Белая Сибирь / К. В. Сахаров. — Мюнхен, 1923. — 325 с.
4. Ильин, И. А. О фашизме / И. А. Ильин // Научные и публицистические статьи [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.anticomproamat.org/naziki/ilyin02.html>. (дата обращения: 14. 10. 2011).
5. Ленин, В. И. Записка Г. В. Чичерину. Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд. пятое / В. И. Ленин. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 54. — 864 с.
6. Ленин, В. И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд. пятое / В. И. Ленин. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 45. — 730 с.
7. Залеский, В. Н. Монархисты / В. Н. Залеский. — Харьков: Пролетарий, 1929. — 76 с.
8. Любош, С. Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич / С. Б. Любош. — Л.: Былое, 1925. — 56 с.
9. Викторов, В. П. Вступительная статья / В. П. Викторов // Союз русского народа: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. — М.; Л.: Госиздат, 1929. — 420 с.
10. Вардин, Ил. Фашизм — меньшевизм — революция / Ил. Вардин // Красная новь. — 1925. — № 1. — С. 192–244.
11. Костомаров, Г. Д. Черная сотня под флагом религии в 1905 г. / Г. Д. Костомаров. — М.: Безбожник, 1931. — 46 с.
12. Сталин, И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза / И. В. Сталин. — М.: Госполитиздат, 1952. — 206 с.
13. Спириин, Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России / Л. М. Спириин. — М.: Мысль, 1977. — 366 с.
14. Лакёр Уолтер Черная сотня: происхождение русского фашизма / У. Лакёр; пер. с англ. — М.: Текст, 1994. — 430 с.
15. Гросул, В. Я. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул, Р. Г. Эймонтова. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 440 с.
16. Ерошкин, Н. П. Российское самодержавие / Н. П. Ерошкин. — М.: РГГУ, 2006. — 496 с.
17. Сталин, И. В. Марксизм и национальный вопрос. Сочинения / И. В. Сталин. — М.: ОГИЗ, 1946. — Т. 2. — 428 с.
18. Права и свободы в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век / Под ред. А. Н. Арина. — М.: РОССПЭН, 2002. — 496 с.
19. Примаков, Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта / Е. М. Примаков. — М.: Мысль, 1977. — 374 с.
20. Степанов, С. Черная сотня / С. А. Степанов. — М.: Эксмо-Яуза, 2005. — 544 с.
21. Фоменков, А. А. Правомонархисты против Первой русской революции / А. А. Фоменков // Политические партии в российских революциях в начале XX века. — М.: Наука, 2005. — С. 201–209.
22. Майков, А. А. Революционеры и черносотенцы / А. А. Майков. — СПб.: Народная типография, 1907. — 44 с.
23. Ленин, В. И. О черносотенстве. Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд. пятое / В. И. Ленин. — М.: Политиздат, 1969. — Т. 24. — 568 с.
24. Боговяленский, Д. Д. Союз русского народа: лидеры и партия / Д. Д. Боговяленский // Политические партии в российских революциях в начале XX века. — М.: Наука, 2005. — С. 444–449.
25. Витте, С. Ю. Воспоминания: в 3 т. / С. Ю. Витте. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. — Т. 3. — 723 с.
26. Толочко, А. П. Черносотенцы в Сибири. 1905–февраль 1917 / А. П. Толочко. — Омск: ОмГУ, 1999. — 123 с.

27. История Второй мировой войны : в 12 т. — М. : Воениздат, 1973. — Т. 1. — 368 с.
28. Большая Российская энциклопедия : в 30 т. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2006. — Т. 6. — 766 с.
29. Большая Российская энциклопедия : в 30 т. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2005. — Т. 2. — 776 с.
30. Ленин В. И. Об оценке текущего момента. Полн. собр. соч. : в 55 т. Изд. пятое / В. И. Ленин. — М. : Политиздат, 1968. — Т. 17. — 656 с.
31. Шульгин, В. В. Что нам в них не нравится / В. В. Шульгин. — СПб : Хорс, 1992. — 287 с.
32. Герасимов, А. В. На лезвии с террористами / А. В. Герасимов // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений : в 2 т. — М. : Новое литературное обозрение, 2004. — 600 с.
33. Столыпин, П. А. Полное собрание речей / П. А. Столыпин. — М. : Молодая гвардия, 1991. — 411 с.
34. Милюков, П. Н. Воспоминания. (1859—1917) : в 2 т. / П. Н. Милюков. — М. : Современник, 1990. — Т. 2. — 448 с.
35. Шелохаев, В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии / В. В. Шелохаев. — М. : Наука, 1991. — 232 с.
36. Ширер, У. Взлет и падение Третьего Рейха : в 2 т. / Уильям Ширер; пер. с англ. — М. : Захаров, 2009. — Т. 1. — 816 с.
37. Троцкий, Л. Д. Национальная борьба и единство пролетариата. Сочинения / Л. Д. Троцкий. — М.; Л. : Госиздат, 1926. — Т. IV. — С. 372.
38. Ленин, В. И. Политические партии в России. Полн. собр. соч. : в 55 т. Изд. пятое / В. И. Ленин. — М. : Политиздат, 1968. — Т. 21. — 672 с.
39. Троцкий, Л. Д. Перманентная революция / Л. Д. Троцкий. — М. : АСТ, 2005. — 570 с.
40. Столыпин, П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье / Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. — СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1911. — 170 с.

ВТОРУШИН Михаил Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.
Адрес для переписки: SELENA_m.81@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.10.2011 г.
© М. И. Вторушин

УДК 95(57):332.025.13

А. Г. ДИАНОВ

Сибирская государственная
автомобильно-дорожная академия,
г. Омск

РЕВИЗИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИБИРСКОЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ НЭПА (1922). ЧАСТЬ 2

Рассмотрены основные направления ревизионной деятельности сибирских рабоче-крестьянских инспекций в начале нэпа. Показано, как в условиях развития рыночных отношений изменялись приёмы и методы их работы. Выявлены причины преобладания инспекционной составляющей в деятельности рабоче-крестьянских инспекций. Особое внимание уделено работе по сокращению государственного аппарата.

Ключевые слова: нэп, рабоче-крестьянская инспекция, ревизия, обследование, государственный аппарат.

Рабоче-крестьянской инспекции в силу сложившихся в 1922 г. условий её деятельности удавалось находить в основном те нарушения, которые были очевидны. Лишь в 22,2% ревизий были выявлены конкретные лица, обвинённые в злоупотреблениях и других действиях, отрицательно сказывающихся на работе организаций. Судебное преследование лиц, подозреваемых в совершении преступлений, подпадающих под статьи Уголовного кодекса, было возбуждено в 14% ревизий. И только 34 судебных дела из 524 были завершены в 1922 г. с вынесением обвинительных приговоров, что составляло 1% от общего числа проведённых ревизий и 7% от общего числа направленных в суды дел. Оправдательные

приговоры были вынесены по 9 делам и 27 дел было прекращено — в общей сложности это составляло 7% от возбуждённых дел. Основная часть дел, поступивших в суды в 1922 г., в конце года находилась в судебных органах в стадии рассмотрения и расследования. Данное положение было связано прежде всего со слабостью аппарата судебных органов, а также недостаточной доказательной базой тех материалов, которые были представлены в суды рабоче-крестьянской инспекцией [1, л. 204; 2, л. 33].

В 1922 г. губернские отделения РКИ стали регулярно проводить ревизионные совещания, на которых обсуждались результаты отдельных ревизий, обследований и определялись методы и способы ра-

боты. Наиболее успешно в этом направлении работала Алтайская РКИ, где периодические совещания стали созываться с 1 января 1922 г. В течение года здесь было проведено 29 совещаний методического плана и 16 — по вопросам внутреннего распорядка. На совещаниях плановые задания НК РКИ, СибРКИ и губисполкомов обсуждались с точки зрения возможно точного и своевременного исполнения их при наличном составе кадровых сотрудников. Видоизменялись в случае необходимости схемы работ, намечались наиболее подходящие сотрудники для выполнения заданий и назначались сроки выполнения работы. Выявлялись местные условия — благоприятные или отрицательные для решения поставленных задач [3, с. 40; 4, л. 51, 52].

На совещаниях часто возникали споры о соотношении ревизионной и инспекционной составляющих в работе РКИ. Например, на совещании Иркутской РКИ, состоявшемся 3 марта 1922 г., большинство старших инспекторов, имеющих значительный стаж работы, высказались за необходимость основной упор сделать на ревизии, а не на обследовании, поскольку оно не позволяет глубоко вникнуть в суть дела. Подводя итоги совещания, зав. РКИ отметил, что большинство широких обследований осуществлялось инспекцией по заданиям НК РКИ и СибРКИ, следовательно, дискуссии можно было вести только в отношении обследований и ревизий, назначаемых по собственной инициативе [4, л. 51, 52; 5, л. 12].

Регулярные совещания, проводившиеся губернскими РКИ в 1922 г., сыграли большую роль в совершенствовании их работы. Знания и опыт каждого участника совещания способствовали выработке коллективного опыта, создающего психологическое единство корпорации сотрудников РКИ. Взаимодействие сибирских РКИ с различными органами можно проанализировать на основе данных о способах реализации инспекциями ревизионных материалов. Из 3 736 ревизий, проведенных сибирскими инспекциями, — 10,5% осталось без реализации, сюда относится почти вся декабрьская работа инспекции, поскольку материалы за декабрь к началу 1923 г. не были обработаны. Оставшиеся 89,5% можно разделить на четыре группы.

В первую группу реализации ревизионных материалов входили устные и письменные доклады губисполкомам и ГубЭКОСО 10% и 2,5% соответственно. Поскольку большинство членов ГубЭКОСО одновременно являлись членами губисполкомов, то эти данные можно объединить. Если сравнить их с данными инициаторов ревизий, то можно заметить, что докладов губисполкомам и ГубЭКОСО предоставлялось вдвое больше, чем они давали ревизионных заданий. Очевидно, что помимо докладов по тем заданиям, которые губисполкомы и ГубЭКОСО давали инспекциям, им делались доклады по важнейшим ревизиям, проводившимся по инициативе местных отделений РКИ или центра. Количество докладов РКИ местным органам власти было явно недостаточным, что свидетельствовало о том, что ревизий и обследований, на основе которых, можно было делать интересные выводы, для исполкомов проводилось мало.

Ко второй группе реализации ревизионных материалов можно отнести передачу результатов ревизий вышестоящим органам — 16%. Это отчеты по всем ревизиям, осуществленным по заданию центра.

К третьей группе относится передача материалов ревизий в судебные органы — 14%.

Четвертая группа — самая многочисленная — это переписка с подконтрольными рабоче-крестьянской инспекции учреждениями о порядке, сроках и методах исправления, обнаруженных в ходе ревизий и обследований недостатков — 54% [1, л. 204; 2, л. 35; 4, л. 89; 6, л. 8, 114; 7, л. 18].

В 1922 г., как и во второй половине 1921 г., одним из важнейших направлений в ревизионной и инспекционной работе РКИ была борьба за сокращение штата учреждений и организаций. Во второй половине 1921 г. как в центре, так и на местах, в этом направлении были предприняты огромные усилия. При активном содействии РКИ в конце 1921 г. комиссия ВЦИК приняла решение о сокращении 3 млн 845 тыс. служащих из 7 млн 683 тыс. [8, с. 11]. Обследование центральных учреждений, проведенное РКИ в апреле 1922 г., установило, что каких-либо существенных сокращений штата за период с 1 января по 1 марта 1922 г. в них не произошло [9, л. 23].

Весной — летом 1922 г. в Москве действовало несколько комиссий по сокращению служащих. Был издан целый ряд декретов и циркуляров, предписывавших экономии расходованию государственных средств на содержание личного состава. Однако добиться запланированного сокращения служащих к осени 1922 г. не удалось. Это подтвердил В. И. Ленин в своём выступлении на четвертой сессии ВЦИК 9-го созыва, состоявшейся 31 октября 1922 г. Он заметил, что численность служащих в Москве с 1918 по 1922 гг. возросла с 231 до 243 тыс. «Вот вам итоги всех сокращений», — констатировал Ленин [10, л. 250]. Конечно, Владимир Ильич привёл сравнение с 1918 г. без учёта огромного роста количества служащих в период военного коммунизма в 1919 и 1920 гг. Сокращение служащих в Москве в 1922 г. произошло, и довольно значительное. Сolidными были сокращения центральных аппаратов народных комиссаров. Так, например, аппарат народного комиссариата земледелия был сокращён в 1922 г. с 2882 до 1200 чел. [11, л. 42]. Проведя всестороннее обследование железнодорожного транспорта, РКИ предложила сократить его штат с 1338 до 624 тыс. чел. [12]. В феврале 1922 г. на особом Совещании при Госплане РСФСР, было принято решение о сокращении штата для железнодорожного транспорта до 650 тыс. чел., а в целом для народного комиссариата путей сообщения (НКПС) до 889 тыс. чел. [12]. В октябре 1922 г. Совнарком принял решение о сокращении штатов НКПС до 850 тыс. чел., включая охрану [13, с. 186]. Штаты РКИ РСФСР были сокращены ещё более значительно, с 34 тыс. чел. на 1 июля 1922 г. до 12 тыс. чел. в начале 1923 г. [14, л. 47].

В 1922 г. в Сибири завершилось начатое в конце 1921 г. многоплановое обследование наиболее значимых экономических организаций: губернских советов народного хозяйства (ГСНХ), отделов коммунального хозяйства, ГубЭКОСО и губпродкомов. Главной целью обследования было выяснение целесообразности их структуры, штатов. Обследование выявило нерациональность структуры и многочисленность штатов. Аппараты ГСНХ состояли из более чем двух десятков отделов с многочисленными подотделами. Многоступенчатость в системе управления промышленности мешала оперативно решать конкретные производственные вопросы и приводила к необоснованному росту численности сотрудников. Так, например, в аппарате ГСНХ Алтайской губернии в 1921 г. работало 1012 чел., а в Томской — 1167 чел. Не менее громоздкими были и другие органы управления. В губпродкоме Томска насчиты-

валось 767 сотрудников, а в отделе коммунального хозяйства — 393. Иркутский земельный отдел состоял из 10 отделов со 176 сотрудниками [15, с. 53, 524; 16, л. 75; 17, с. 11]. Многочисленность управленческого аппарата вела и к росту накладных расходов. В отдельных губерниях они составляли 35% себестоимости промышленной продукции [18, л. 101; 19, л. 66, 79, 80; 20, л. 23 — 25, 94, 95; 21, л. 74 — 77].

По предложению РКИ аппараты ГСНХ, губпродкомов, отделов коммунального хозяйства и ряда других подвергались коренной реконструкции. Некоторые организации были ликвидированы. В ГСНХ количество отделов сократили в 6 — 7 раз, в Новониколаевской губернии до 4-х, в Алтайской, Омской и Томской до 3-х. Штаты к октябрю 1922 г. были сокращены по сравнению с октябрём 1921 г. на 93,7% в Новониколаевской, на 87,8% в Алтайской, на 86,9% в Омской и 82,6% в Томской [22, с. 29; 23, с. 410]. В результате реконструкции аппаратов ГСНХ были снижены накладные расходы и создан более оперативный аппарат управления промышленностью.

Значительному сокращению подверглись аппараты губпродкомов, отделов коммунального хозяйства, земельных комитетов и других губернских учреждений. Так, например, в ходе ревизии Иркутского губернского земельного отдела РКИ обнаружила канцелярскую волокиту и утрату единства действий. Отделы этой организации считали себя автономными, имели свои печати и связывались с уездами и учреждениями без ведома заведующего губземотделом. Один отдел требовал сведения с мест, которое другой, накануне, уже получил. Отделы издавали распоряжения, противоречащие друг другу. Зачастую отделы вели переписку друг с другом, хотя находились в одной комнате. РКИ предложила изменить структуру губземотдела и сократить его численность. Десять отделов преобразовать в семь, штат служащих сократить с 176 чел. до 66. Предложение было одобрено губисполкомом [16, л. 79, 80].

Осуществив обследование Сибирского отдела народного образования (СибОНО) и Сибирского отдела здравоохранения, рабоче-крестьянская инспекция предложила в ОНО вместо 12 управлений, 39 отделов, 17 подотделов, 3 секций оставить 6 отделов, 8 подотделов и одну секцию, а штат сократить в 3 раза. В Сибирском отделе здравоохранения вместо 40 отделов и подотделов оставить 20, а штат сократить с 250 до 59 чел. [24, л. 2].

Ряд организаций, по предложению РКИ, был ликвидирован. Так, например, 17 июня 1922 г. на заседании ГубЭКОСО был заслушан доклад Алтайской ГубРКИ об итогах работы Алтайкедропрома в 1922 г. ГубЭКОСО постановил: организацию Алтайкедропром как убыточную и не отвечающую возложенным на неё обязанностям ликвидировать [6, л. 49].

В результате работы по совершенствованию государственного аппарата, проделанной сибирскими РКИ в 1922 г., по их инициативе было ликвидировано 20 и реорганизовано 30 учреждений, 36 — частично реорганизовано (сокращены отделы), а в 40 организациях проведено сокращение штатов [2, л. 32].

Наряду с фактической ревизией РКИ должна была осуществлять и последующую ревизию. Являясь в основном ревизией документальной, она непосредственно зависела от состояния отчётности на предприятиях и в учреждениях. Последующая документальная проверка доходов и расходов учреждений очень резко проводилась местными инспекциями в РСФСР. Причина — отсутствие условий для этого вида ревизий. Для исправления положения

с производством последующих ревизий коллегия РКИ в Постановлении от 3 марта 1922 г. предложила ввести систему проведения последующей ревизии в учреждениях при производстве фактической ревизии, ограничившись проверкой дополнительной отчётности на выборку [1, л. 205; 25, л. 23 об.].

В Сибири это предложение руководства широкого распространения не получило потому, что не устранило ни одной из причин, препятствующих проведению последующих ревизий. Рабочего времени тратилось почти столько же, как и при производстве ревизий в РКИ, и отсутствие налаженного учёта таким путём нельзя было преодолеть. Вопрос о порядке производства последующей ревизии рассматривался на совещаниях сотрудников губернских РКИ. В ходе совещания Иркутской РКИ 20 марта 1922 г. было принято решение о том, что последующая ревизия должна осуществляться в инспекции только по подлинным документам и в установленные сроки. В виде исключений отчётность учреждений торгово-промышленного характера можно было проверять на предприятиях. Многие участники совещания отметили, что правильной постановке последующей ревизии мешает отсутствие текстов законов, регулирующих ведение счётного дела. На совещании было принято решение о направлении в центр записки с просьбой об издании массовым тиражом данных законов [5, л. 3].

Сибирские инспекции проводили последующую ревизию отчётности учреждений в том случае, когда была необходимость для повторного производства фактической ревизии, и если документальная отчётность позволяла это сделать. Последующая ревизия проводилась также по распоряжению центральных органов РКИ или местных органов власти. Подобных распоряжений в 1922 г. было немного, поскольку и центральные органы РКИ, и местные власти понимали, что состояние отчётности делает проведение последующей ревизии невозможным [1, л. 205].

В январе 1922 г. Омская РКИ по просьбе губисполкома приступила к проведению ревизии губпродкома с целью установления правильности движения хлеба, собранного по продрозвёрстке 1920 — 1921 гг. В комиссию, кроме сотрудников РКИ, входил представитель Ревтрибунала. Комиссия работала с перерывами до июля 1922 г. Она установила, что состояние отчётности позволяет определить направление и объёмы движения хлеба только приблизительно, поэтому какие-либо выводы о движении хлеба, собранного по продрозвёрстке 1920 — 1921 гг., сделать невозможно. Комиссией было принято решение о привлечении к суду Ревтрибунала сотрудников губпродкома, виновных в плохом состоянии отчётности о движении хлеба, собранного по продрозвёрстке 1920 — 1921 гг. Дальнейшее разбирательство установило, что с 1920 по 1922 г. сменилось шесть руководителей губпродкома. Большинство из них покинуло Сибирь. Установить, кто отвечал за отчётность на протяжении всего периода, не удалось, поэтому никто к суду привлечён не был [26, л. 1, 2, 19, 20, 21, 36].

В общем объёме работ губернских РКИ последующая ревизия занимала 2%. Больше внимания уделяли последующей ревизии специальные РКИ. Она занимала в общем объёме их работ 11%. Это было связано с тем, что на железной дороге и в армейских подразделениях делопроизводство и отчётность были поставлены значительно лучше [1, л. 194, 205].

Таким образом, в 1922 г., как и в 1921 г., последующая ревизия не получила широкого распростра-

нения. Зависимость возможности проведения последующей ревизии от состояния документальной отчётности побудила сибирские РКИ вплотную заняться налаживанием счетоводства и заведением учётных книг в подотчётных организациях.

Ревизионная деятельность РКИ в губернском масштабе в 1921 г. осуществлялась очень слабо, а с закрытием в начале 1922 г. уездных отделений РКИ фактически прекратилась. Уездные уполномоченные информировали РКИ о деятельности уездных учреждений, проводили простейшие ревизии, обследования и по поручению руководства уезда участвовали в приёмках, передачах. Для того чтобы иметь более полное представление о работе уездных учреждений, губернские РКИ стали формировать и отправлять в уезды небольшие группы, составленные из работников губернского аппарата РКИ и представителей центральных губернских учреждений. Основной целью группы была всесторонняя ревизия основных учреждений уезда. Поскольку расходы, необходимые для деятельности таких групп, не были заложены в бюджет рабоче-крестьянской инспекции, она была вынуждена обращаться за средствами в губисполком. Губисполкомы в этот период были крайне ограничены в средствах. Поэтому они не всегда выделяли их на проведение сессий РКИ. Так, например, в первой половине 1922 г. Омская ГубРКИ сформировала ревизионную группу, но она не смогла выехать в уезд из-за отсутствия средств [2, л. 9, 12; 7, л. 28; 27, л. 1]. Областной уполномоченный НК РКИ по Сибири А. М. Тамарин обратился в Сибревком с просьбой о помощи в организации работы выездных групп. Президиум Сибревкома в своём постановлении от 7 июля 1922 г. обязал губисполкомы принять участие в организации выездных сессий РКИ, включать в состав выездных групп представителей отделов губисполкома, изыскать средства, необходимые для проведения сессий за счёт местных хозяйственных организаций или ЭКОСО [28, с. 39].

На основании постановления Сибревкома СибРКИ направила 12 июля 1922 г. в губернии циркулярное сообщение об организации выездных сессий РКИ. В нём отмечалось, что выездные сессии организуются для проведения ревизий и обследований в уездах. Их работа должна быть ограничена месячным сроком. За это время необходимо ознакомиться с постановкой налогового дела, работой органов просвещения, здравоохранения, милиции и наиболее крупных промышленных предприятий, которые ранее почти не подвергались ревизионному обследованию [3, с. 38; 5, л. 30]. В течение июля — августа 1922 г. во всех губерниях были организованы выездные сессии. В Иркутской губернии ревизии подверглось 5 уездов, а в остальных — по два уезда. Состав выездных групп колебался от 4 до 10 человек. Помимо сотрудников РКИ в их состав были включены представители ГСНХ, ЭКОСО, различных отделов губисполкомов, профсоюзные работники, а в Иркутской губернии сотрудники ГПУ и представители губкома. В ходе работы сессий ревизии подвергались прежде всего центральные учреждения уездов. Материалы ревизий, после их обработки, были направлены в губисполкомы, что позволило последним получить объективное представление о деятельности уездных комитетов, учреждений образования, здравоохранения, милиции, земельных и финансовых органов [6, л. 48, 86, 112; 13, л. 28 об.; 5, л. 30; 29, л. 1 — 2; 30, л. 95; 31, л. 49].

Организация выездных сессий позволила губернским РКИ расширить сферу своей ревизионной деятельности. Благодаря им, губисполкомы получали объективную информацию о деятельности уездных организаций.

Таким образом, работа РКИ в условиях развития рыночных отношений претерпела существенные изменения. Она приобретала в значительной степени плановый характер. На плановые и всесторонние ревизии тратилось более половины затрат рабочей силы, хотя они составляли четверть от общего количества ревизий. Большинство плановых и всесторонних ревизий было проведено по инициативе центральных органов РКИ. Это свидетельствовало о том, что губернские и специальные РКИ в данном случае действовали прежде всего как аппарат центральной власти. Увеличение объёма плановых и всесторонних ревизий привело к изменениям в методах работы РКИ. Губернские отделения стали регулярно проводить ревизионные совещания, на которых определялись методы и способы работы, обсуждались результаты отдельных ревизий. Для осуществления широких обследований различных отраслей формировались ударные группы.

В изучаемый период в деятельности сибирских РКИ преобладала инспекционная составляющая. Это было связано с плохим состоянием отчётности на предприятиях и указанием центрального руководства об оказании содействия хозяйственным органам. В силу сложившихся в 1922 г. условий РКИ, несмотря на то, что она получила возможность попутно с производством ревизий производить дознание, а в исключительных случаях — по согласованию с прокуратурой — и предварительное следствие, выявляла в основном те нарушения, которые были очевидны. Судебное преследование против лиц, подозреваемых в совершении преступлений и подпадающих под статьи Уголовного кодекса, было возбуждено только в одной ревизии из восьми.

Работа по сокращению государственного аппарата, начавшаяся во второй половине 1921 г., в 1922 г. достигла пика. По предложению РКИ, более чем в ста крупных учреждениях Сибири произошло сокращение. Во многих организациях штат был сокращён в 3–8 раз. Двадцать учреждений было ликвидировано. В 1922 г. РКИ не удалось полностью выполнить поставленную перед ней задачу — добиться коренного перелома в деятельности государственных учреждений. В ходе её ревизионной деятельности в основном происходило устранение лишь отдельных, порой чисто внешних недостатков и злоупотреблений. После проведения ревизий в большинстве случаев отсутствовал глубокий анализ причин тех или иных недочётов. Однако, несмотря на эти недостатки, деятельность РКИ помогала предприятиям и организациям улучшать работу, а исполкомам — проводить в жизнь решения центральной и местной власти.

Библиографический список

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.Р. — 288. Оп. 1. Д. 25.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. — 374. Оп. 4. Д. 39.
3. Горестов, М. А. Осуществление в Сибири ленинских принципов организации государственного контроля в 1921–1923 гг. / М. А. Горестов // Строительство коммунизма и творческая активность масс. — Красноярск, 1970. — С. 26–59.

4. ГАНО. Ф.Р – 288. Оп. 1. Д. 14
5. ГАНО. Ф.Р – 288. Оп. 1. Д. 42.
6. ГАНО. Ф.Р – 288. Оп. 1. Д. 29.
7. ГАНО. Ф.Р – 288. Оп. 1. Д. 74
8. Доклад комиссии ВЦИК по пересмотру учреждений РСФСР президиуму ВЦИК. – М., 1921. – 70 с.
9. ГАРФ. Ф.Р – 374. Оп. 27. Д. 170.
10. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. / В.И. Ленин. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 45. – 730 с.
11. РКИ в новых условиях // Сборник статей к X съезду Советов по отчетным материалам НК РКИ. – М., 1922. – 140 с.
12. Известия. – 1922. – 4 марта.
13. Материалы о деятельности СНК, СТО и центральных правительственных учреждений за первое полугодие после X съезда Советов. – М., 1923, январь – июнь. – 212 с.
14. ГАРФ. Ф.Р – 4085. Оп. 1. Д. 249.
15. Алтайский ежегодник за 1921/22 хозяйственный год. – Барнаул, 1923. – 570 с.
16. ГАНО. Ф.Р – 288. Оп.1. Д. 68.
17. Отчет IV губернскому съезду Томской губернии. – Томск, 1924. – 54 с.
18. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК) Ф.Р – 12. Оп. 2. Д. 97.
19. Государственное учреждение Омской области Исторический архив (ГУОО ИА) Ф.Р – 460. Оп. 1. Д. 41.
20. ГАНО. Ф.Р – 288. Оп.1. Д. 24.
21. ГУОО ИА. Ф.Р – 460. Оп. 1. Д. 109.
22. Баркан, Н. М. Из опыта работы РКИ Сибири по совершенствованию управления промышленностью в восстановительный период (1921 – 1925 гг.) / Н. М. Баркан // Вопросы социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск : Наука, 1968. – Вып. 1. – С. 25 – 36.
23. Годовые итоги на хозяйственно-политическом фронте Сибири 1922-1923 гг. - Новониколаевск, 1923. – 480 с.
24. ГУОО ИА. – Ф.Р – 460. Оп. 1. Д. 40.
25. ГАНО. Ф.Р – 288. Оп. 1. Д. 40
26. ГУОО ИА. Ф.Р – 460. Оп. 1. Д. 37.
27. ГАНО. Ф.Р – 288. Оп. 1. Д. 52.
28. Жизнь Сибири. – 1922. – № 1.
29. ГУОО ИА. Ф.Р – 460. Оп. 1. Д. 48.
30. ГУОО ИА. Ф.Р – 460. Оп. 1. Д. 53.
31. ГАНО. Ф.Р – 288. Оп.1. Д. 43.

ДИАНОВ Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и политологии.
Адрес для переписки: dianov_100@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.05.2011 г.
© А. Г. Дианов

УДК 947. 084: 338.1 (571.1)

И. И. КРОТТ

Омский государственный педагогический университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В данной статье на основе архивных и опубликованных источников проанализирована проблема использования труда иностранных военнопленных в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в годы Первой мировой войны. Автор рассматривает основные условия содержания и надзора за пленными, характеризует специфику политики центральной и местной власти в отношении использования их труда в сельских предпринимательских хозяйствах региона.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сибирская деревня, Первая мировая война, иностранные военнопленные, сельские предприниматели.

Первая мировая война оказала существенное влияние на развитие сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири [1]. Однако оценить это влияние однозначно невозможно. Имея дополнительные стимулы роста капиталистического производства, сельские предприниматели расширяли посевные площади, увеличивали поголовье скота. Но в их деятельности наблюдались и негативные моменты, связанные с определенными трудностями в обеспечении хозяйств трудовыми ресурсами, усовершенствованной техникой. Во многом эти кризисные тенденции и явления были смягчены

имевшимся экономическим потенциалом, так как производители товарной продукции были лучше приспособлены к хозяйствованию в экстремальных условиях.

В годы Первой мировой войны предпринимательские хозяйства Западной Сибири, так же как и основная масса крестьянских хозяйств, испытывали острый недостаток сельскохозяйственных рабочих [2]. Отчасти эта проблема решалась путем использования труда военнопленных. Так, в докладе акмолинского губернатора по воинской повинности на имя степного генерал-губернатора от 9 сентября

1914 г. обращалось особое внимание на тот факт, что в регионе имеется со стороны крупных землевладельцев «громкий спрос на военнопленных рабочих», необходимых им для уборки полей [3].

Омский биржевой комитет от имени сельских предпринимателей региона, в целях успешного окончания уборочной кампании и подготовки земли к посеву 1915 г., ходатайствовал перед администрацией Степного края об отпуске последним в 1914 г. до 800 чел. военнопленных, гарантируя со стороны предпринимателей выполнение всех предписанных администрацией требований по надзору и содержанию [3].

В 1914–1917 гг. в предпринимательских хозяйствах И. М. Карзина, С. Е. Острянина, Н. С. и И. С. Николенко, А. И. Даниленко, П. Т. Леженкина, Г. М. Попова, Т. И. Колмакова, Т. М. Подковырова, А. П. Бодылевского, Ф. Ф. Штумпфа, барона В. Р. Штейнгеля, Е. М. Краснокова, Л. Ф. Федорова, Н. И. Кузнецова, И. Ф. Вибе и др. активно применялся труд военнопленных [4, 5]. По данным на сентябрь 1916 г. и январь 1917 г., соответственно 513 и 385 предпринимательских хозяйств Омского уезда для выполнения разнообразных работ по сельскому хозяйству использовали рабочих из числа военнопленных [6].

В условиях, когда сельское хозяйство региона из-за отсутствия рабочих рук находилось «в крайне безобразном и безвыходном состоянии», предприниматели настойчиво предлагали приравнять его к предприятиям, работающим на государственную оборону, обеспечить мужской рабочей силой не менее 1 чел. на 10 дес. посевной площади или выпаса за счет прекращения снятия с работ военнопленных; освобождения от призыва киргизов; откомандирования на сельхозработы призванных меннонитов, находящихся в распоряжении лесного ведомства; командировки свободных воинских частей на работы во время посева и уборки урожая [7].

В свою очередь, администрация региона, опасаясь масштабного сокращения посевных площадей в предпринимательских хозяйствах и ухудшения качества полевых работ в них на фоне недостатка рабочих рук, настаивала на снижении стоимости оплаты труда военнопленным. Первоначально, по расчетам властей, труд военнопленных не должен был оплачиваться. Однако, работая без компенсации, пленные давали низкую производительность труда. Поэтому правительство постепенно вносило изменения в правила использования труда пленных и отменяло ограничения на оплату. Вообще, в Западной Сибири и Степном крае в годы войны наблюдалась устойчивая тенденция повышения оплаты труда сельскохозяйственных рабочих. Поэтому в целях урегулирования цен и улучшения «взаимоотношений землевладельцев и военнопленных» акмолинский губернатор по квартирному довольствию войск предлагал жестко лимитировать оплату труда пленных из расчета: «...вполне трудоспособному рабочему по 15 руб. и менее трудоспособному по 10 руб. в месяц с довольствием и одеждой за счет нанимателя» [8].

В западной части Сибири практиковался отпуск пленных на сельскохозяйственные работы одиночным порядком за месячную плату, вопреки предложению сельских обществ по разделению пленных на партии — артели [9]. Укажем, что данная практика не соответствовала некоторым нормативным актам, которыми регулировалось использование труда военнопленных в аграрной сфере [10].

Сельские предприниматели также нередко использовали труд военнопленных «одиночек». Подобным образом рабочими из военнопленных в 1916 г. были обеспечены такие предпринимательские хозяйства Акмолинской области, как С. Е. Острянина, А. Х. Воропаева, Ф. Х. Коломийца, А. Классена, И. Тевса, П. Букреева, И. А. Романтеева, И. К. Розвезева, И. Я. Мамонтова и др. [11]. Да и в 1917 г. данная практика имела место, так как весной — летом 1917 г. в Западной Сибири ощущался, пожалуй, самый острый дефицит рабочих рук из военнопленных [12].

Вообще, использование труда военнопленных в сельском хозяйстве одиночным порядком было достаточно распространенным явлением на протяжении всех лет войны. Степной генерал-губернатор Н. А. Сухомлинов еще в 1915 г. указывал, что «не во всех селениях и экономиках военнопленные размещены казарменным порядком, а живут по одному, по два в разных домах, пользуются полной свободой и имеют общение с населением» [8].

В начале 1917 г. органы власти и управления, региональная пресса стали убеждать население в том, что отдача пленных «в распоряжение слишком мелких хозяйств» нецелесообразна [13]. Здесь была доля лукавства, так как военнопленные оказывались, прежде всего, в руках крепких хозяев, которые содержали их даже зимой, не сдавая в лагеря. Это вело к экономии казенных средств. Бедные же хозяева, прежде всего солдаты, с окончанием сезона избавлялись от «ненужных ртов» и зимовали без пленных. Описанная выше ситуация с наступлением весны, по мнению омского историка А. Н. Талапина, становилась основой для конфликта: «...у состоятельных крестьян и хозяйства были крепкие, и пленные работники тоже имелись, а солдаты оставались без рабочих рук» [12].

Несмотря на то, что «пленным воспрещалось появление где бы то ни было без соответствующего надзора», многие современники отмечали определенную свободу в их поведении, да и «вообще полное игнорирование пленными и их хозяевами изданных на сей предмет правил» [14]. Типичным примером таких нарушений являлись те «непорядки», которые были выявлены степным генерал-губернатором в хозяйстве Ф. Ф. Штумпфа. В 1915 г. при личном осмотре данного хозяйства Н. А. Сухомлиновым оказалось, что пленные в нем выполняют все хозяйственные дела на заводской конюшне, хотя должны были использоваться только на полевых работах. Изменение характера работ являлось грубейшим нарушением имеющихся правил. «Вообще, в экономии указанного лица, — писал в своем отпуске степной генерал-губернатор, — военнопленные пользуются полной свободой» [15]. Нарушения такого характера были присущи многим предпринимательским хозяйствам, которые использовали труд военнопленных. При этом отметим, что такая ситуация стала возможной из-за отсутствия со стороны полицейских чинов должного надзора за точным выполнением изданных правил о порядке содержания военнопленных [16].

Неудивительно, что военным и гражданской администрации приходилось многократно публиковать одни и те же правила и инструкции к ним, объявлять их каждый раз всем работодателям при выдаче им пленных. К началу 1916 г. были сформулированы основные требования, которые сводились к тому, что военнопленные должны были содержаться под охраной отдельно от других ра-

бочих, нигде не могли появляться без конвоя, не должны были передаваться другим лицам и не могли выполнять обязанности кучеров и другой прислуги [17].

Многие предприниматели, прежде всего по причине угрозы вынужденного возврата пленных в концентрационные лагеря в случае выявленных нарушений действующих норм, а в меньшей степени из-за взысканий административного порядка, сами обращали внимание контролирующих органов на факты отсутствия стражи у военнопленных в своих хозяйствах. Так, в январе 1917 г. сельские хозяева Николенко и Раабе в связи с увольнением со службы стражника Лукина сразу же уведомили об этом Омский отдел Московского общества сельского хозяйства, то есть организацию, через которую в Акмолинской области осуществлялась раздача пленным для сельскохозяйственных работ [18].

Складывается такое впечатление, что пленные в сибирской деревне были оставлены один на один с нанимателями, так как стражников, которые должны были следить за ними, практически всегда не хватало. В доказательство этому можно привести заметку 1916 г., напечатанную в газете «Алтайское дело». В ней говорилось о том, что «чуть ли не ежедневно то в одном, то в другом селе отмечаются попытки к побегу, но безрезультатно, так как, пройдя одно-два поселения, они (военнопленные. — И. К.) задерживаются жителями» [19]. Администрация пыталась решить недостаток сторожей наймом среди гражданского населения. Но параллельно с этим происходило ужесточение ответственности со стороны охраны за бегство военнопленных. В результате побега пленного должностное лицо подлежало административному наказанию: тюремному заключению до 3 мес. или денежному штрафу до 3 тыс. руб. [20]. Данная мера не способствовала увеличению количества стражников, столь необходимых в сельской местности. В итоге все имеющиеся регламентации по использованию труда военнопленных постоянно нарушались как крестьянским населением, так и сельскими предпринимателями и имели противоречивый характер.

Условность инструкций и правил по применению труда военнопленных, по мнению А. Н. Талапина, подтверждалась совместным распоряжением двух ведомств — Министерства внутренних дел и Военного министерства. С июня 1915 г. официально разрешались произвольные отступления от установленных правил при размещении, охране и использовании труда пленными, «если это требуется местными условиями и если означенные правила в чем-либо стеснительны» [12].

Наиболее яркой иллюстрацией невыполнения имеющихся правил и попустительского отношения к ним являлись факты самовольного ухода военнопленных с сельскохозяйственных работ, которые очень часто сопровождалась захватом лошадей и другого имущества [14]. Кроме того, были случаи бегства пленными из-за тяжелого физического труда. В ночь на 9 марта 1916 г. из экономии Т. И. Колмакова, находящейся у станции Марьяновка Омской железной дороги, бежали в концентрационный лагерь, расположенный в г. Омске, 8 австрийцев. Всего в хозяйстве Т. И. Колмакова имелось 49 рабочих из числа военнопленных. В результате расследования омским уездным начальником данного факта было выяснено, что на содержание пленные не жаловались, пищей, одеждой были обеспечены полностью, расчет за выполненные работы производился пред-

принимателем правильно и своевременно. Поэтому единственной причиной побега, по его мнению, послужило желание «дать себе отдых после беспрепятственного нахождения» на работах с апреля 1915 г., где они трудились «от восхода до заката солнца». При этом омский уездный начальник ходатайствовал перед акмолинским губернатором о том, чтобы все беглецы были возвращены предпринимателю, так как «труд военнопленных, в чем бы он ни заключался, для них обязателен» [21].

Вообще, конфликтные ситуации между военнопленными и их нанимателями были нередким явлением. Так, в марте 1915 г. в Акмолинской области в предпринимательских хозяйствах Романтеева, Пастернака и Николенко возник подобный конфликт по причине отказа пленными выполнять необходимые сельскохозяйственные работы [8]. В 1915 г. были отмечены и такие ситуации, когда сельские предприниматели, которые брали военнопленных на полевые работы, возвращали их через несколько дней «как совершенно негодных работников» [22].

Очень часто центральные и региональные органы власти, по тем или иным причинам, а как правило в связи с ужесточением условий содержания, принимали решения о снятии части военнопленных, находящихся на сельскохозяйственных работах, и возвращении их в концентрационные лагеря [23].

В 1916 г., когда привлеченные к работам в сельскую местность пленные своим отношением поставили под угрозу сбор урожая в Акмолинской области, местная администрация приняла решение о снятии и доставке в Омск 3060 чел. пленными, что составляло 30% от их общего количества в области [24].

Данная мера акмолинского губернатора вызвала резкое возмущение со стороны владельцев предпринимательских хозяйств. Первоначально сельские предприниматели обратились в Омский биржевой комитет с заявлением, в котором они писали: «В случае если военнопленные будут сняты с работ, мы лишены будем возможности, за неимением других рабочих, содержать как рабочий и племенной скот, так и лошадей, овец и свиней и вынуждены будем все это продать, что поведет, положительно, к нашему разорению и лишит нас возможности в будущем 1917 г. не только засеять ту площадь, которую мы засеяли ранее, но не в состоянии будем засеять и 10%... Ввиду всего вышеизложенного покорнейше просим Биржевой Комитет войти с ходатайством перед кем следует, в случае надобности по телеграфу за наш счет, оставить в наших хозяйствах тех военнопленных, которые были взяты нами ранее и которых теперь у нас отбирают» [24]. Это заявление датировалось сентябрем 1916 г. и было подписано известными предпринимателями региона — Я. И. Романенко, И. Я. Мамонтовым, И. С. Николенко, А. П. Бодылевским, С. Е. Острияниным, Я. И. Шварцем, Г. М. Поповым и др.

В свою очередь, в октябре Омский биржевой комитет обратился с ходатайством к акмолинскому губернатору. В нем указывалось на то обстоятельство, что по решению министра земледелия в сельской местности региона подлежали снятию с работ только «лишние» военнопленные. Ввиду того что Степной край и Западная Сибирь всегда испытывали недостаток рабочих рук, который еще только усилится из-за призыва ратников и киргизов, «едва ли возможно говорить о каких-либо излишках рабочих рук» [24]. Поэтому биржевой комитет просил губернатора дать соответствующие разъяснитель-

ные распоряжения всем исполнительным чинам на местах.

Но, несмотря на это, были составлены подробные количественные и именные списки предпринимательских хозяйств, в которых необходимо было снять военнопленных с сельскохозяйственных работ. Так, у А. П. Бодылевского «лишних» было 12 чел., у Т. И. Колмакова — 16, у И. С. Цыбульского — 12, у остальных предпринимателей цифры варьировались от 1 до 5 чел. [24].

Наличие определенных трудностей в обеспечении сельского хозяйства трудовыми ресурсами вызывало нередко состояние растерянности не только у крестьянского населения края, но и у предпринимателей. В многочисленных заявлениях, которые отложились в архивных фондах, сельские предприниматели прямо указывают на это обстоятельство. Вот некоторые типичные примеры: «...не имея рабочих рук... хозяйство мое клонится к разорению...»; «...за неимением рабочих рук, мое хозяйство находится в критическом положении и в последующее время может прийти к совершенному упадку...» [25]. «Омский телеграф» в 1916 г. писал: «Сельские хозяева при отказе получать для работ военнопленных заявляют, что в силу необходимости приходится сокращать посевную площадь» [26]. В трудах Омского отдела Московского общества сельского хозяйства за 1917 г. по этому поводу также отмечалось: «Шаткость, неуверенность в обеспечении рабочими руками хозяйства не дает сельскому хозяину заниматься его хозяйством. Он не знает, что ему делать: ликвидировать ли ему свое хозяйство или продолжать его» [27]. Более того, в июле 1917 г. на заседании по вопросу ведения овцеводства в Акмолинской области многие предприниматели говорили, что именно из-за отсутствия необходимого количества рабочих рук, плохого снабжения сельскохозяйственной техникой и запасными частями к ней, заниженных твердых цен на продукцию они вынуждены были сокращать поголовье овец и площадь посева. Так, в хозяйстве С. Е. Остринина количество овец по сравнению с 1914 г. уменьшилось в 1917 г. на 25%, у П. Т. Леженкина — на 70% [28]. Тенденция сокращения в 1917 г. посевов хлебов, целинных вспашек земли грозила в будущем более серьезными последствиями. Этот негативный тренд мог повлиять на семенной рынок региона, так как главным поставщиком семенного материала были как раз предпринимательские хозяйства [29].

Ситуацию «неопределенности» усложняли некоторые постановления центральных органов власти. Так, в марте 1917 г. уполномоченным правительством по заготовке продовольствия предоставлялось право реквизиции хлеба у крупных земельных собственников и арендаторов всех сословий, имеющих запашку не менее 50 дес. [30]. Местная пресса, опубликовав это распоряжение, позже стала пестрить сообщениями, основная мысль которых сводилась к тому, что такие меры «усиливали боязнь населения понапрасну затратить свой труд» [31].

В случае уклонения от исполнения изданных распоряжений правительственных органов по заготовке продуктов для армии, предоставления недостоверных сведений либо скрытия товаров виновные подвергались денежному взысканию в двойном размере установленной государством цены на эти товары. При этом подчеркнем, что все приказы и распоряжения распространялись на всех землевладельцев и земледельцев, включая и арендаторов казачьих земель [32].

Вместе с тем отметим, что государственные органы отчетливо понимали, что основным производителем товарной продукции в регионе являются крупные хозяева, поэтому им выделялись военнопленные для работы, выдавались льготные кредиты и семенной материал, шли на уступки по условиям аренды. При этом большая часть этой помощи осуществлялась на возмездной основе. В значительной мере, по мнению В. М. Рынкова, поставленную задачу эти меры государственного стимулирования выполнили [33]. Но к концу 1915 г. стало очевидно, что сокращение посевных площадей и поголовья скота нарастало главным образом за счет наименее состоятельной части сибирской деревни. Кроме того, усиливалась социальная дифференциация в сельском локальном сообществе, и одним из факторов, способствовавших этому, явилась государственная аграрная политика [33].

Библиографический список

1. Государственный Исторический архив Омской области (далее — ГИАОО). Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 742. Л. 8 об.
2. ГИАОО. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 4. Л. 47—51 об.; Ф. 119. Оп. 1. Д. 40. Л. 11—19 об.
3. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее — ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 11, 25.
4. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9555. Л. 13, 15 об. — 16 об., 18, 23, 56, 59 об., 70 об.; Д. 9603. Л. 150—158 об.
5. ГИАОО. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 4. Л. 47—47 об., 48 об., 49 об., 50 об.
6. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9555. Л. 316; Д. 9638. Л. 6—6 об.
7. Омский телеграф. — 1916. — 16 декабря.
8. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 92—92 об., 205.
9. ГИАОО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 67. Л. 32—32 об.
10. Авербах, О. И. Законодательные акты чрезвычайного характера, вызванные войной : в 2 ч. / О. И. Авербах. — Пг., 1914. — Ч. 1. — С. 193—195; Пг., 1915. — Ч. 2. — С. 417.
11. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9555. Л. 12 об., 14, 19, 33 об., 34, 63 об., 75.
12. Талапин, А. Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 — май 1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / А. Н. Талапин. — Омск, 2005. — С. 107—108, 160—161, 328.
13. Омский вестник. — 1917. — 26 февраля.
14. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9555. Л. 334—334 об.
15. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 205—206.
16. ГИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 99. Л. 51.
17. Сибирское сельское хозяйство. Сельскохозяйственный и кооперативный журнал. — Томск. — 1915. — № 9. — С. 303—304.
18. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9638. Л. 8.
19. Алтайское дело. — Новониколаевск. — 1916. — 8 июня.
20. Омский телеграф. — 1917. — 7 февраля.
21. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9603. Л. 80-80 об.
22. ГИАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 86. Л. 162.
23. ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 15. Л. 10 об.; Д. 40. Л. 12 об. — 13.
24. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9602. Л. 190—190 об., 195—197, 277—277 об., 280—280 об.
25. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9638. Л. 1, 37.
26. Омский телеграф. — 1916. — 10 апреля.
27. Труды Омского отдела Московского общества сельского хозяйства. — Омск, 1917. — Вып. 1. — С. 115.
28. ГИАОО. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 4. Л. 47—51 об. Подсчеты автора.
29. Сибирская речь. — Омск. — 1917. — 7 (19) июня.
30. ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 51. Л. 70.
31. Сибирская речь. — Омск. — 1917. — 15 (28) июня.
32. ГИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 122. Л. 36.
33. Рынков, В. М. Государственное регулирование аграр-

ного рынка Сибири в годы Первой мировой войны в оценках Омского сельскохозяйственного и кооперативного съезда (2–12 января 1916 года) / В. М. Рынков // Исторический ежегодник / Гл. ред. С. А. Красильников. – Новосибирск, 2007. – С. 99.

КРОТТ Иван Иванович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: e-mail: ivkrott@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.11.20011 г.
© И. И. Кротт

УДК 947.084.631(57)

О. А. ОЗЕРОВА

Омский государственный
педагогический университет

РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАСКУЛАЧИВАНИИ И РЕПРЕССИЯХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1928–1932 гг.)

Статья посвящена актуальной проблеме раскулачивания зажиточных крестьян тюркских народов в Западной Сибири. Автор рассматривает принцип действия механизма раскулачивания и роль партийного и советского руководства западносибирского края и беднейших слоев деревни в кампании, втягивание в классовую борьбу против зажиточных крестьян батраков и бедняков. Создание первоначального капитала в колхозах из изъятых материальных ценностей у зажиточных крестьян.

Ключевые слова: раскулачивание, экспроприация, зажиточный крестьянин, налог, хозяйство, опись имущества.

В январе 1928 г. по распоряжению Сибкрайкома партии в крае был сделан переучет хозяйств, разделенных на три категории: кулацкие, середняцкие и бедняцкие. Наибольшее число зажиточных крестьян-мусульман было в Западной Сибири, так как этому способствовали благоприятные природные условия для скотоводства и земледелия. Понятия «кулак», «бай» до 1928 г. среди тюркских народов означали крепкий хозяйственник, умеющий прибыльно вести свое хозяйство. Однако с началом «революции сверху» (1928 г., январь) они стали иметь уже не социально-экономические, а морально-политическое значение (эксплуататор, мироед, кровопивец). Нагнеталась обстановка нетерпимости среди люмпенизированных слоев деревни к зажиточным крестьянам. Для этого использовались общие собрания бедноты в аулах, юртах, и деревнях. Например, Екатеринбургском, Муромцевском и Ново-Колосовском районах Омского округа они проводили один раз в месяц [1]. То же было и в других округах края. Проводниками усиления классовой борьбы стали партийные и советские руководители Сибирского края. В письме окружкомом ВКП(б) Сибкрайком ВКП(б) указал, что их бюро должны обеспечить не только по округам, но и в каждом районе «жесткий контроль за работой соответствующих органов и быть в курсе всей проводимой работы» [2]. Партийный контроль за ходом раскулачивания будет осуществляться с 1928 г. по 1932 г.

Поводом для кампании послужили хлебозаготовки. Зажиточные крестьяне, не выполнившие планы по сдаче зерна государству, в первую очередь подлежали раскулачиванию. Отказавшихся выполнять требования групп бедноты и оказавших сопротивление при обысках арестовывали. В сводке ОГПУ, переданной в Сибкрайком ВКП(б), значилось, что с 1928 г. по ноябрь 1929 г. было арестовано 4494 человека, из них кулаков 3205 [3, с. 21]. Даже Л. М. Заковский, полномочный представитель ОГПУ в Сибири, признавал, что «такое большое количество арестов в Сибири производить не нужно было» [4].

Массированное раскулачивание зажиточного крестьянства по всей стране, в том числе и в Западной Сибири, началось с января 1930 г. Этому предшествовало решение Политбюро ЦК ВКП(б), принятое 5 декабря 1929 г., о создании комиссии, которой поручалось выработать конкретные предложения о темпах коллективизации в различных районах СССР, о ликвидации кулачества, а также о мерах помощи колхозному строительству. В ее составе было 21 человека, в том числе секретари ЦК компартий республик, областных и краевых комитетов партии. На основании выводов, сделанных комиссией ЦК ВКП(б), И. В. Сталин 27 декабря 1929 г. на конференции аграрников-марксистов открыто заявил о ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации перед отдельными областями. По результатам комиссии и указанию

И. В. Сталина 30 января 1930 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В нем говорилось о дифференцированном подходе к различным группам кулаков, разделенных на 3 категории. Вместе с тем Политбюро ЦК ВКП(б) дал указание Сибкрайкому ВКП(б) на основании постановления от 30 января 1930 г. выработать свое. В результате 2 и 12 февраля 1930 г. бюро Сибкрайкома партии приняло решение об экспроприации всех кулацких хозяйств в районе, перешедшего к сплошной коллективизации [5, с. 32]. Партийное руководство сибирского края, выполняя требования ЦК ВКП(б), также разделило всех зажиточных крестьян на три категории. К зачисленным в первую категорию (представителям кулацкой верхушки, инициаторам террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций) должны были немедленно приниматься «строгие репрессии», вплоть до высшей меры наказания или заключения в тюрьму. Ко второй категории («элементам кулацкого актива», «богатым кулакам») — высылка «в отдаленные районы страны». К третьей (кулакам, лояльно настроенным к Советской власти) — расселение на новых, отводимых им за пределами коллективных участков» [6, с. 332–333]. На основании этого в округах края в каждом районе при аулсоветах и сельсоветах были созданы комиссии по раскулачиванию и дополнительные группы бедноты. Эта структура работала по отлаженной системе, начатой еще при хлебозаготовках в 1928 г. Таким образом, сложилась хорошо продуманная схема по вертикали, которая позволяла сталинскому ЦК контролировать ход проведения кампании «ликвидации кулачества как класса» от Сибкрайкома до комиссий по раскулачиванию в аулах, деревнях и юртах. 4 февраля 1930 г. вышла секретная инструкция ЦИК и Совнаркома СССР за подписями М. И. Калинина, председателя Исполнительного Комитета Союза ССР, А. И. Рыкова, председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР, А. Е. Енукидзе, секретаря Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР для исполнения в союзных и автономных республиках, в краевых и областных исполнительных комитетах [7, с. 250]. Во втором ее разделе говорилось о конфискации у кулаков, проживающих в районах сплошной коллективизации, средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия производственные и торговые, продовольственные, кормовые и семенные запасы, излишки домашнего имущества, а также наличные деньги [7, с. 247]. В Омском округе в числе первых подверглись раскулачиванию хозяйства богатых казахов, жителей Черлакского района. Об этом 5 февраля 1930 г. было заявлено на совещании, проходившем в Омске, что только в аулсовете № 4 раскулачили бая, имевшего 50 лошадей и батрака [8].

Ликвидация «кулачества как класса» на базе сплошной коллективизации в Западной Сибири была для коммунистов программой к действию. Это подтвердил в мае 1930 г. секретарь Сибкрайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе: «Этот лозунг теперь является главным лозунгом, который определяет нашу работу в деревне» [9, с. 170]. В крае райкомы партии через своих уполномоченных доводили до крестьян постановление, запрещавшее распродажу имущества, сельхозинвентаря, выезды из аулов и сел кулаков, запланированных к раскулачиванию [10]. 19 февраля 1930 г. по распоряжению Богградского райкома

партии (Хакасия) президиум райисполкома принял постановление «О дальнейших мероприятиях по раскулачиванию кулаков района». Списки кулаков, подлежащих раскулачиванию и выселению в северные районы Сибири, были отправлены в Новосибирск [11]. На основании этого Сибирский краевой исполнительный комитет разработал свою «секретную инструкцию» по раскулачиванию, которую разослал по окрисполкомам, а те, в свою очередь, издали свои распоряжения, которыми пользовались комиссии аулсоветов и сельсоветов при конфискации имущества. Согласно ей, раскулаченным и высланным из сел, аулов и юрт, разрешалось взять с собой на новое место жительства «самые необходимые предметы домашнего обихода, летнее белье, нижнее и верхнее платье, обувь, по одной лошади с полным комплектом сбруи, телеги, сани, плуги, бороны, сапожный, плотничный кузнечно-слесарный, портновский и прочие инструменты» [11, с. 11]. Однако на одной лошади по бездорожью даже и это было увезти проблематично. Зачастую крестьяне по дороге выбрасывали инвентарь, чтобы освободить место в повозках для престарелых родителей и детей. Процесс нарушения прав человека начинался от тех, кто был обязан пресекать произвол. Так, в феврале 1930 г. прокурор Сибирского края дал распоряжение окружным прокурорам, в котором потребовал «перестроить свою работу, быстро разоблачать проделки кулаков, дискредитировать их перед бедняцко-средняцкой массой, усилить судебные репрессии» [12].

В Сибири в начале 1930 г. партийным и советским руководством края было намечено раскулачить 76,3 тысячи хозяйств независимо от национальности их владельцев. С конца 1929 г. до середины 1930 г. в Сибкрае уже было раскулачено 59,2 тысячи дворов [13, с. 14]. В списки подлежащих раскулачиванию по Верх-Аскизскому сельсовету (Хакасия), только в один день 20 февраля 1930 г. были внесены девять семей [11, с. 23]. Еще в феврале 1928 г. И. В. Сталин в своей статье «Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии» призвал партийных руководителей всех рангов: «Обопрись на бедноту, устраивай прочный союз с середняком, ни на минуту не прекращай борьбы с кулачеством» [14]. Эти слова стали лозунгом в партийных и советских кругах, сделавших бедноту своим союзником. Нагнетая обстановку классово-вой борьбы среди коренного населения Западной Сибири, секретарь Сибкрайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе в одном из своих выступлений сказал, что в национальном районе Омского округа бай, аксакал, «имел возможность всячески угнетать батрака» [15]. В связи с этим Омский ОК ВКП(б) принял постановление об организации батрачества и бедняцко-средняцкой части нацменьшинств «для отпора кулаку» [16].

Аульские и сельские партячейки, члены аулсоветов по рекомендации райкомов ВКП(б) применяли метод «самораскулачивания», который проходил в несколько этапов. Сначала зажиточному крестьянину предлагалось добровольно сдать рабочий и молочный скот в пользу колхоза. Если он отказывался, то раскулачивание шло по протоколу с описью всего его имущества. Часто применялся метод психологического воздействия. Имелись случаи, когда «посадили кулака на сани и трое суток возили в качестве экспоната по деревням» [13, с. 15]. Все это заставляло зажиточных крестьян добровольно сдать скот, сельхозинвентарь, постройки в пользу колхозов. Метод «самораскулачивания» Сибкрайком ВКП(б) считал

самым эффективным. В числе многих в Омском округе самораскулачились крестьяне Шакен Жуманов (аулсовет № 1, Борисовский район), Кажим Бийбатыров (аул Байбатыр, Азовский район) [17, с. 306]. На последнем этапе зажиточным крестьянам предлагалось добровольно написать заявление о приеме их в колхоз. Из-за боязни за себя и свои семьи, чтобы не оказаться в списках высланных из аулов и деревень в отдаленные места Сибири, они были вынуждены согласиться. Отказавшимся же добровольно сдать в колхоз свое имущество, аулсоветы и сельсоветы преподносили высокие налоги. Хозяйства, попавшие в разряд должников, описывались и распродавались за долги.

В Западной Сибири окружкомы партии устанавливали соревнование между районами по числу раскулаченных хозяйств. Ставились в пример те райкомы партии, которые производили раскулачивание целых районов за сутки. В Тюкалинском районе (Омский округ) уполномоченный райисполкома Шипицин инструктировал членов комиссии по раскулачиванию следующим образом: «У кулаков отбирать все, оставляя по одной паре белья, полшубку и печёный хлеб» [18, с. 36]. В казахском колхозе «Кудук-Чилик» Борисовского района (Омский округ) из крепкого крестьянского хозяйства Т. Сатанова забрали 100 голов скота [19]. У родителей Фарзаны Гулямовны Кулевой отобрали дом, «поселив там лодырей, которые даже дров не могли заготовить, поэтому они рубили сараи, стулья» [20]. В Иконниковском районе (Омский округ) в селе Крупянка состоялась продажа 5 кулацких хозяйств. Уполномоченный райисполкома сам производил оценку: дом — 10 руб., лошадь — 1 руб., корова — 1 руб., шуба — 20 коп., кадка капуста — 1 коп. [13, с. 47]. В ауле № 4 в момент раскулачивания заместитель председателя райисполкома Паршуков среди экспроприированных вещей «отобрал себе» шубу на лисьем меху, покрытую шелковым плюшем [21]. В среднем при раскулачивании хозяйство оценивалось для распродажи его беднякам чуть больше 200 рублей [13, с. 15]. Имели место случаи, когда члены «группы бедноты» приходили раскулачивать, а в этот момент у зажиточного крестьянина в казане варилось мясо. Комиссия ждала, когда оно будет готово, съедала его и потом приступала описывать имущество. В сводке ОГПУ от 11 марта 1930 г. говорилось, что «кампании раскулачивания был придан характер штурма, партизанского налёта, граничащего с грабительством» [22]. С особым цинизмом проходило раскулачивание в селе Бергам Муромцевского района Барабинского округа, где вместе с русскими проживали татары, в результате чего там вспыхнуло крестьянское восстание. Комиссии по раскулачиванию обкладывали хозяйства налогом по нескольку раз. Например, аулсовете № 2 (Иконниковский район, Омский округ) был внесен в списки кулаков М. Рахимов, хозяйство которого уже было разграблено в период «чрезвычайщины». Однако он смог восстановить его. При раскулачивании у него забрали трех коров [17, с. 284-285]. В мае 1930 г. в Тарском районе неоднократно обложению подверглось 866 хозяйств, из них 862 были раскулачены и только 4 смогли справиться с заданием [18, с. 15]. Раскулачивание за неплату налогов стало предлогом уничтожения зажиточных хозяйств. В политический обзор отдела ПП ОГПУ по Сибирскому краю попало высказывание крестьянина (фамилия не указана): «Налагают такой налог, что все имущество продать...и то не хватит,

а платить обязывают,...если не уплатишь, то все отберут» [23].

Чтобы избежать индивидуального налогового обложения, зажиточные крестьяне начали раздел своего хозяйства внутри семьи. Например, в Убатский сельсовет (Чарковский район, Хакасия) были поданы заявления о разделе своих хозяйств между сыновьями от Шурышева и Кулугашева [11, с. 13]. В результате дробления хозяйства сохраняли свою самостоятельность, но при этом теряли рентабельность. Омский ОК ВКП(б) сообщал в Запсибкрайком партии, что «самыми частыми примерами скрытия нетрудовых доходов у казахов и киргизов являются фиктивные разделы имущества между семейством при фактическом сохранении объединенного хозяйства» [24].

Вместе с высокими налогами крестьян обязывали в принудительном порядке подписываться на государственный заем. В обзор ОГПУ попало высказывание крестьянина Чичиры, хакаса (Азскизский сельсовет, Хакасия): «Разорили крестьян в конце. Я ни за что не возьму заем, мне и без того платить налог надо» [11, с. 15]. В письме крестьянина Музганова (село Решеты Кочковского района Каменского округа) своему брату, перехваченному сотрудником ОГПУ, говорилось о том, что «облигации дают в обязательном порядке. Мне дали. Не знаю, чем платить стану. Продам последнюю лошадь» [25]. Выступая на партийной конференции в мае 1930 г., секретарь Омского окружкома партии сообщал, что «всех хозяйств, подведенных под кулацкие, на 1 апреля 1930 г. было 11 тысяч. 234 хозяйства, из них раскулаченных 8430 хозяйств», независимо от национальности [13, с. 15]. Уже в мае 1930 г. на Пятой Сибирской партийной конференции было заявлено, что «кулаки в основном уничтожены: остались лишь кое-какие недоделки, в частности ликвидация подкулачников» [9, с. 215]. Политический ярлык «подкулачник» навешивался на лиц, выступивших в защиту кулаков, независимо от партийной принадлежности и национальности. С ними велась борьба. Даже имелись случаи выселения их из аулов.

Осенью 1930 г. в Запсибкрайком партии с округов стали поступать тревожные сведения о массовом убое скота коренным населением. За умышленный убой личного скота для кулацкого хозяйства следовало уголовное наказание — принудительные работы до 2-х недель. Резкое уменьшение количества скота наблюдалось и в соседнем Казахстане. Если в 1929 г. там насчитывалось 40 млн голов, то в 1933 г. осталось всего 4 млн [17, с. 259]. В годы коллективизации в Хакасии почти наполовину сократилось поголовье скота, а значит, упал жизненный уровень, особенно коренного населения [11, с. 19]. В не раскулаченных тюркских населенных пунктах весной 1930 г. скотоводы в спешном порядке отбыли на дальние откочевки. За летнее время часть из них сумела распродать скот и имущество. Другие, осенью вернувшись домой, были раскулачены.

Однако окончательно властям ликвидировать кулачество в 1930 г. не удалось. В связи с этим кампания была перенесена на следующий год. 27 апреля 1931 г. вышло постановление Запсибкрайкома ВКП(б), в котором говорилось: «Экспроприации и выселению подвергнуть все твердо установленные кулацкие хозяйства и кулаков-одиночек из сельской и городской местности края, а также проникших кулаков в колхозы, совхозы, предприятия, советские и кооперативные учреждения» [5, с. 33]. Началась кампания «дораскулачивания». Теперь в аулах и дерев-

нях в списки кулаков вносились середняки и даже бедняки. Так, в один из них попал бедняк Куртаев (Экбекшинский аулсовет, Омский округ) [26]. Подобные акции со стороны местных властей вызвали возмущение в обществе. Секретарь Запсибкрайкома Р. И. Эйхе, вынужденный признать, что «по отношению к середняку применялось раскулачивание» в форме «беспредела», назвал это «шараханьем» и «перегибами» со стороны партийных руководителей [9, с.175].

И хотя ЦК ВКП(б) взял курс на борьбу с «перегибами на местах», в Западной Сибири для выполнения планов по раскулачиванию экспроприация середняцких хозяйств продолжалась. Если в 1928—1930 гг. к кулакам относили крестьян, имеющих значительные посевные площади, скот, постоянных работников, то в 1931—1932 гг. — «лишенцев», «индивидуально обложенных налогами» и недовольных политикой Советской власти [24, л. 168]. В политическом обзоре ПП ОГПУ по Сибирскому краю было приведено высказывание крестьян (фамилии не указаны): «Раньше в 22 году относили к кулаку, у кого лошадей по 30 и работников по 2—4 человека. А вот последнее время уже относят к кулаку, у кого 3—4 лошади и ни одного работника. Так чем же мы гарантированы от того, что завтра будут относить к кулаку имеющих 1—2 лошади?» [27]. Райкомы партии, боясь ответственности за нарушение указаний Сталина о необходимости сохранения «союза с середняком», старались раскулачивание середняцких хозяйств отнести к так называемым перегибам. Уполномоченных, допустивших их, наказывали по партийной линии (выговор, строгий выговор). Имелись случаи проведения показательных процессов. Так, один из них был проведен в селе Хорошем (Славгородский округ) над секретарем партийной ячейки Наваковским, проводившим раскулачивание середняков. Его приговорили к 10 месяцам принудительных работ [28]. Однако единичные суды над «перегибщиками» не снимали напряжения в обществе. В результате чего партийное руководство Западносибирского края вынуждено было повести более решительно борьбу с «перегибами» на местах, для чего были созданы специальные комиссии по рассмотрению жалоб крестьян. Например, в Омском округе была рассмотрена 521 жалоба, из них: 37 хозяйств восстановлено в правах, 248 оказались незаконно раскулачены и им возвращалось имущество, 64 жалобы отправлены на дополнительное расследование [29]. В Новосибирском округе 392 человека были восстановлены в правах и 316 хозяйствам возвращено имущество [30, с. 77]. Однако комиссии рассматривали жалобы в пользу только раскулаченных середняков, но не зажиточных крестьян. Например, в Омском округе были отклонены 172 их заявления [29].

Кампания по раскулачиванию не обошла стороной и верующих середняков, исповедующих ислам и православие. Так, только в Ново-Омском районе (Омский округ) «Союзом воинствующих безбожников» было раскулачено 60 религиозных семей [13, с. 15]. Уцелевшие зажиточные хозяйства были обложены высокими и разорительными налогами. Например, 29 хозяйств Мохово-Привальского сельсовета Большереченского района Омского округа должны были сдать 79 коров, 102 овцы и 58 центнеров хлеба [31]. В Борисовском районе Омской области (ныне Шербакульском) под давлением райкома партии исполком вынес постановление о раскулачивании в короткие сроки (3—5 дней) 184 семей, из

них 26 хозяйств казахских [19, с. 245]. В Запсибкрайком ВКП(б) и окружкомы партии поступали сведения о снижении темпов раскулачивания. Члены аулсоветов порой прибывали в растерянности, когда из района поступали указания «довыявлять кулаков», которых «давно уже нет», или «дораскулачивать хозяйства» [23]. Уполномоченный райкома партии (фамилия в документе не указана) в служебной записке, отправленной им в Омский ОК ВКП(б), сообщал по этому поводу: «Не знаю, что выйдет у ребят» [32]. И. Сталин дал свою оценку происходящему: «...В наших организациях, как в партийных, так и иных, родились в последнее время известные, чуждые партии элементы, не видящие классов в деревне и пытающиеся вести работу таким образом, чтобы никого не обидеть в деревне, жить в мире с кулаком» [14]. В связи с этим райкомы партии призвали уполномоченных выискивать чуждых элементов среди членов комиссий по раскулачиванию. В аулы и села выехали не только работники райисполкомов, но и райкомов партии и комсомола. Например, в обзоре идеологического отдела Славгородского ОК ВКП(б), составленного для Запсибкрайкома ВКП(б), говорилось, что секретарь Ключевского райкома ВЛКСМ семь месяцев «без перерывов» работает уполномоченным [33]. Прибывшие в сельскую местность уполномоченные начали свою работу с замены членов комиссий на более решительных активистов, а также принятых в члены ВКП(б) и ВЛКСМ, готовых выполнить свои первые партийные задания. В результате насильственной экспроприации у кулацких хозяйств тяглогового и молочного скота, сельскохозяйственного инвентаря был создан первоначальный фонд строящихся колхозов.

В 1928—1933 гг. в аулах и деревнях творился произвол, ставший одной из главных причин голода. Секретарь Родинского райкома партии Демченко в своем информационном письме в Славгородский ОК ВКП(б) сообщал, что в крестком села Каяушки пришли десять женщин и потребовали хлеба, заявив, что, если им его не дадут, они «потащат всех партийцев и кресткомовцев в грязь и изобьют» [34]. В. Г. Фейгин, член ЦКК ВКП(б) (Центральная Контрольная Комиссия), после поездки по Западной Сибири в докладной записке от 9 апреля 1932 г. на имя Г. К. Орджоникидзе указал: «Такого настроения, какое сейчас в деревне в связи с голодом и изыманием последней коровы и последних овец по контрактации, я давно уже не видел» [5, с. 35].

В Западной Сибири в период 1928—1933 гг. были раскулачены тысячи тюркских хозяйств, а их хозяева, трудолюбивые крестьяне, подверглись политическим репрессиям. Часть из них была послана в отдаленные места Сибири, часть — заключена в концлагеря, другие — расстреляны. Одним из них был крестьянин-единоличник казах Бесимбаев Таштемир, арестованный 27 сентября 1930 г. и расстрелянный 15 января 1931 г. в Омске [17, с. 59—60]. В Сибири только по первой категории было репрессировано более десятка кулаков всех национальностей [5, с. 32]. Можно выделить основные этапы уничтожения крепких хозяйств в регионе. Первый этап охватывает 1928—1929 гг. В это время происходит введение чрезвычайных мер, обложение хозяйств налогами в трех- и пятикратном размере). На втором этапе (1930—1932 гг.) — раскулачивание и ликвидация кулачества как класса в период сплошной коллективизации. В советской партийной литературе указывалось, что раскулачивание в местах компактного проживания коренного населения За-

падной Сибири в 1932–1933 гг. закончилось. Однако в отдаленных аулах и юртах оно продолжалось до середины 1930-х г. В результате непродуманной политики ЦК ВКП(б) были нарушены экономические связи, дававшие в достаточном количестве продукции для населения города. Массовые репрессии привели к многочисленным жертвам, болезням и увеличению смертности.

Библиографический список

1. ЦДНИОО. Ф. 940. Оп. 3. Д. 225. Л. 5–7.
2. ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 252. Л. 3.
3. Папков, С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928-1941. / С. А. Папков. — Новосибирск : СО РАН, 1997. — 273 с.
4. Иконникова, И. Сталинская репетиция наступления на крестьянство / И. Иконникова, А. Угроватов // Вопросы истории КПСС. — 1991. — № 1. — С. 78.
5. Гуцин, Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири. 1928-1933 гг.: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия / Н. Я. Гуцин // Гуманитарные науки в Сибири. — 1996. — № 2. — С. 32.
6. История Сибири. В 5 т. Т. 4. — Л. : Наука, 1968. — 501 с.
7. Неизвестная Россия. XX век. — М. : Историческое наследие, 1992. — 352 с.
8. Баев отправим в Нарым, в тайгу // Рабочий путь. — Омск, 1930. — 6 февраля.
9. Стенографический отчет V Сибирской краевой партийной конференции ВКП(б). — Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. — 750 с.
10. ЦДНИОО. Ф. 940. Оп. 3. Д. 11. Л. 159.
11. Тугужекова, В. Н., Карлов, С. В. Репрессии в Хакасии / В. Н. Тугужекова, С. В. Карлов. — Абакан : Хакассский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 1998. — 112 с.
12. ГАНО. Ф. Р. 47. Оп. 5. Д. 114. Л. 40 об.
13. Самосудов, В. М. Судьбы людские. Историко-документальный очерк. / В. М. Самосудов, Л. В. Рачек. — Омск : ОмГПУ, 1998. — 208 с.
14. Сталин, И. В. Сочинения. В 13 т. / И. Сталин. — М., 1949. — Т. 11. — С. 13.
15. ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 5. Д. 137. Л. 17.
16. ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 1. Л. 212.
17. Бескемпирова, А. К. Боль и память / А. К. Бескемпирова. — Петропавловск, 2007. — 332 с.
18. Самосудов, В. М. Насильственная коллективизация и противодействие крестьянства сталинскому термидору / В. М. Самосудов. — Омск : ОГПИ, 1991. — 68 с.
19. Биль о сибирском селе. — Омск, 2008. — 516 с.
20. Кулеева, Ф. Черный день календаря / Ф. Кулеева // Тарское Прииртышье. — Тара (Омская область), 1998. — 21 января.
21. ГУ Иса. Ф. 28. Оп. 1. Д. 383. Л. 28.
22. ГАНО. Ф. П. 3. Оп. 2. Д. 195. Л. 212.
23. Архив УФСБ России по Омской области. Открытый фонд. Д. 184. Л. 3.
23. ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 6. Д. 82. Л. 173.
25. ЦХАФАК. Ф. П. 23. Оп. 4. Д. 15. Л. 62.
26. Организуя нацменовские сельсоветы, не забывать бытовых особенностей // Рабочий путь. — Омск, 1931. — 29 января.
27. Архив УФСБ России по Омской области. Открытый фонд. Д. 173. Л. 15.
28. ГАНО. Ф. Р. 47. Оп. 5. Д. 103. Л. 35.
29. ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 5. Д. 40. Л. 130.
30. Пестриков, Ф. С. Партийные организации Западной Сибири в борьбе за победу колхозного строя. (1927–1937 гг.). / Ф. С. Пестриков. — Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. — 156 с.
31. ГУ Иса. Ф. 1554. Оп. 1. Д. 2. Л. 37-38.
32. ГАНО. Ф. Р. 47. Оп. 5. Д. 129. Л. 8.
33. ГАНО. Ф. П. 3. Оп. 4. Д. 5. Л. 162.
34. ЦХАФАК. Ф. П. 38. Оп. 7. Д. 38. Л. 28.

ОЗЕРОВА Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, социологии, политологии.
Адрес для переписки: ozerov26@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 25.05.2011 г.
© О. А. Озерова

Книжная полка

ББК 67.62/С89

Судариков, С. А. Авторское право : учеб. для вузов / С. А. Судариков. — М. : Проспект, 2011. — 463 с. — ISBN 978-5-392-01450-7.

На основе международных договоров и ГК РФ рассмотрено правовое положение субъектов и объектов авторского права и смежных прав, недостатки и противоречия системы авторского права и смежных прав. Особое внимание уделено формированию принципа дуализма интеллектуальной собственности и его частных форм для авторского права и для смежных прав. Последовательное использование этого принципа позволило не только установить недостатки и ошибки международных и национальных правовых норм авторского права и смежных прав, но и получить новые, ранее не известные результаты, которые могут оказаться полезными для модернизации национального законодательства. Для студентов и преподавателей вузов, сотрудников научно-исследовательских и прикладных институтов, органов юстиции, правоохранительных органов и т. д. Книга будет полезна лицам, имеющим отношение к созданию, использованию и охране объектов авторского права и смежных прав.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА ДВОРЯН-ДОМОВЛАДЕЛЬЦЕВ В ОМСКЕ В 60-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена деятельности корпоративной организации Общества дворян-домовладельцев, существовавшей в Омске во 2-й половине XIX века. Данная работа не только показывает социальный и юридический статус дворянского сословия в 60-е годы XIX века, но и социальный облик сибирского города, проблемы, которые имели первостепенное значение для омичей того времени. Сделана попытка исследовать малоизученные стороны истории города Омска 2-й половины XIX века.

Ключевые слова: дворянство, общество, деятельность.

В современной исторической науке большой интерес представляет изучение социальных групп, их общественного и юридического положения, в том числе и сословий. Исследователи изучают сословия как в общероссийском, так и локальном, региональном масштабе с целью выявить общие закономерности и специфику положения общественных групп в различных уголках России.

В данной статье мы рассмотрим омское дворянство, создавшее общество домовладельцев, которое принимало активное участие в общественно-политической жизни города Омска во 2-й половине XIX века. В нашей работе мы использовали в качестве источников нормативно-правовые акты: Жалованные грамоты дворянству и городам, изданные в 1785 году, нормы которых действовали и в середине XIX века, Городовое положение 1870 года, закон «О порядке дворянских собраний, выборам и службам по оным» — законы, регулировавшие местное самоуправление и городскую жизнь 2-й половины XIX — начала XX веков. Многие делопроизводственные источники дают нам информацию о деятельности дворян-домовладельцев и городских проблемах, на которые они пытались обратить внимание местной власти: прошения, докладные записки, акты и т.д.

В отечественной историографии имеются работы о российском дворянстве и его корпоративных организациях. А. П. Корелин исследует дворянские собрания, дворянскую опеку, Объединённое дворянство. Он пишет, что дворянские собрания было разрешено создавать только в 35 губерниях страны. Что касается остальных регионов, то «не могли пользоваться корпоративными правами дворяне Архангельской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Астраханской, Вологодской, Оренбургской губерний, Сибири и Средней Азии, на Кавказе общества создавались только в 2-х губерниях, в 9 западных губерниях дворянские собрания были запрещены» [1, с. 134]. Автор объясняет эти ограничения малочисленностью дворянства в Сибири, Средней Азии и ряде европейских губерний, в западных губерниях и на Кавказе внутривластная обстановка не была спокойной. А. П. Корелин приходит к выводу, что у дворянства не было всероссийской организации, оно было раздроблено на мелкие общества без чёткой структуры [1, с. 135].

Интересен взгляд на дворянскую корпоративность Б. Н. Миронова. Вслед за А. П. Корелиным он повторяет, что в Сибири корпоративных организаций дворянства не было из-за небольшой численности сословия [2, с. 517]. Поэтому, исследуя преимущественно дворянские общества и собрания губерний Европейской России, Б. Н. Миронов отмечает, что участие в них привлекало дворян, несмотря на то, что дворянство «искало более выгодную и престижную службу в центральных учреждениях» [2, с. 516]. Далее автор отмечает, что «после неудачных поисков в столицах желающие служить дворяне возвращались в провинцию и поступали на службу в какое-нибудь местное учреждение» [2, с. 516–517]. Во главе дворянских обществ стояли состоятельные дворяне, которые, принимая возвращавшихся из столиц дворян, давали им средства к существованию и «поддерживали честь всей дворянской корпорации» [2, с. 517]. Большую социальную значимость дворянских корпораций Б. Н. Миронов объясняет тем, что они ограничивали влияние коронной администрации и служили выразителем общественного мнения, с которым коронная администрация всегда считалась. Подводя итоги главы о дворянских корпоративных организациях, историк заключил, что «каждое дворянское общество представляло собой сложившийся элемент гражданского общества, поскольку являлось автономным от государства сообществом свободных граждан со своей организацией, через которую они имели право и возможность влиять на политику правительства» [2, с. 521]. Более того, автор считает, что в дворянских обществах имелись «зачатки парламентаризма», потому что «там действовали заинтересованные группы лиц, иногда с различными политическими взглядами» [2, с. 521].

Упоминание об обществе дворян-домовладельцев есть только в одной работе. А. П. Толочко, И. А. Коновалов, Е. Ю. Меренкова, О. В. Чудаков рассматривают в своей монографии общество дворян-домовладельцев, указывая, что «Жалованная грамота городам фактически устраняла от участия в городском самоуправлении все сословия, кроме мещанского и купеческого» [3, с. 19]. В работе отмечается, что в 1863 году «дворяне-домовладельцы, ссылаясь на развал в городском хозяйстве и злоупотре-

ребления городского головы В. Кузнецова, ходатайствовали о выборе из них гласных в городскую думу, чтобы сделать городское самоуправление таким же, как в Москве, Санкт-Петербурге и Одессе» [3, с. 19]. Авторы делают вывод, что включение всех городских сословий в 1864 году в городскую думу «для обсуждения важнейших нужд города мало изменило городскую жизнь» [3, с. 19–20].

Итак, мы видим, что, несмотря на то, что ведущие российские историки достаточно подробно освещали вопрос дворянской корпоративности, они занимались этим вопросом исключительно в рамках дворянства европейских губерний России. Немногие и очень краткие упоминания историков об омском обществе дворян-домовладельцев можно объяснить тем, что этим вопросом исследователи специально не занимались, изучая городское самоуправление, предпринимательство, политику самодержавия в Сибири и т.д.

В связи со слабостью сословных перегородок занятия населения сибирских городов были разнообразными. Население часто меняло сферу деятельности. По мнению Ю. М. Гончарова, население Сибири во 2-й половине XIX – начале XX века занималось производственным и непроизводственным трудом. В первую группу входила преимущественно торговля, а во вторую — чиновники, военные, представители свободных профессий [4, с. 38]. Как отмечают А. П. Толочко и А. И. Коновалов, «Омск являлся городом военных и чиновников» [5, с. 28], значительная часть которых — отставные лица. Это объяснялось тем, что до конца 1860-х годов в городе были размещены учреждения по управлению Акмолинской областью, до 1882 года здесь располагалось Главное управление Западной Сибири, находились различные административные учреждения, большие воинские контингенты. Выйдя в отставку, военные и чиновники, среди которых были дворяне, занимались разнообразными делами: от торговли и сельскохозяйственных работ до участия в органах опеки в качестве опекунов. Именно эта категория населения является инициатором корпоративной организации — общества дворян-домовладельцев.

Между тем в Сибири создание корпоративных обществ законодательством не предусматривалось. В законе «О порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным» мы читаем: «В губерниях Архангельской, Олонекской, Вятской, Пермской и Сибирских по малочисленности постоянно живущего в них дворянства, выборов ни в какие должности не производится. Предводитель дворянства в оных не полагается, а все прочие должности замещаются от правительства. В сих губерниях дворянские собрания не составляются, но впоследствии, когда число дворян в оных умножится, начальство может по собственному усмотрению или по просьбе дворян ходатайствовать о дозволении составлять и в оных собрания дворянства» (статья 106) [6, с. 23]. Казалось бы, дворяне совершенно не имеют полномочий и прав создать собственное общество. Тем не менее оно создаётся, но на совершенно иной нормативной базе. Н. А. Нардова обратила внимание на циркуляр Министерства внутренних дел от 26 апреля 1862 года [7, с. 18]. В нём говорилось о создании в губернских и иных городах особых комиссий из наиболее опытных и сведущих лиц с приглашением в них депутатов от всех сословий города, владеющих недвижимой собственностью. Только такой комитет не был учреждён административной властью Запад-

ной Сибири в Омске и других городах, отсюда одно из первых требований дворян по его созданию.

Создание общества дворян-домовладельцев можно объяснить и другими причинами. С одной стороны, по законодательным актам, действовавшим до 1870 года, было почти невозможно дворянам попасть в число гласных в думе. Предусматривалось лишь два исключительных случая: недостаточное число гласных в думе из купцов и мещан, регистрация дворянина в купеческой гильдии и наличие свидетельства о членстве в ней. Как правило, недостатка в гласных из мещан и купцов не наблюдалось, а участие дворян, которые становились «временными купцами», было единично в сибирских городах 2-й половины XIX века. С другой стороны, дворяне-домовладельцы подчёркивали, что они объединились против злоупотребления местной властью своих полномочий, используя свои полномочия в личных интересах.

Рассматривая городскую жизнь и самоуправление в европейских и сибирских городах в первой половине XIX века, А. И. Куприянов пишет, что в ходатайствах горожан Московской, Тверской губерний, Томска, Тобольска, Омска выражалось недоверие к отдельным выборным лицам. Избиратели не соглашались доверять некоторым навязываемым кандидатам ответственные должности, сомневаясь в том, что они принесут пользу городу [8, с. 33, 38, 45]. Эта тенденция сохранилась и во второй половине XIX века. Наконец, омские дворяне-домовладельцы указывали на низкий материальный, технический уровень жизни населения города в середине XIX века, о повышении которого власть не заботилась.

Вместе с тем скажем, что идея представительства дворянства в городской думе Омска была неслучайным и единичным актом. В России к 1863 году, году начала деятельности общества дворян-домовладельцев, в трёх городах имелось представительство дворян в думах. Н. А. Нардова пишет, что в 1846 году дворяне были причислены к городскому обществу Санкт-Петербурга. В 1859 году дворяне-домовладельцы Москвы и генерал-губернатор, граф А. Г. Строганов в Одессе ходатайствовали о распространении на их города городского положения Петербурга. В 1862-м Москва, а в 1863 году Одесса получили новое общественное устройство [7, с. 16].

Итак, все причины создания общества дворян-домовладельцев Омска в 1860-е годы мы можем разделить на следующие группы:

— законодательные причины: несоответствие законов о городской жизни требованиям времени и юридическое неравенство социальных групп города Омска;

— социальные причины: низкий материальный уровень жизни большей части населения Омска, небольшое количество институтов социальной поддержки населения;

— административные причины: произвол и злоупотребление городскими чиновниками власти, использование её в своих интересах.

Поэтому вполне закономерно, что впервые источники упоминают общество дворян-домовладельцев в документе, датированном 23 октября 1863 года. В это время общество ходатайствовало в записке Тобольскому гражданскому губернатору «о дозволении избрать в состав городской думы домовладельцев из дворян и прочих сословий». Необходимость введения представителей из дворянского сословия и других социальных групп была аргументирована

«малочисленностью и малограмотностью членов городского общества». Также подчёркивалось, что специальные торговые занятия отвлекают членов городского общества от служебных занятий. Отсюда «их бессилие управлять обществом, иметь влияние и власть над ним, их беззаботливость в собирании городских недоимок» [9, л. 9].

Рассмотрим наиболее часто обсуждаемые обществом вопросы. Центральным среди них был вопрос о представительстве дворян-домовладельцев в городской думе. Так, на ходатайство 1863 года местные власти отреагировали, указав на два упоминаемых в нашей статье исключительных случая избрания гласных, не принадлежащих к сословию купцов и мещан: принадлежность к временному купечеству и недостаток гласных от купцов и мещан [9, л. 9]. В январе 1864 года городской голова Кузнецов просил разрешения обсуждать вопросы на новых началах до преобразования городского общественного управления при участии депутатов от всех сословий. Дворяне-домовладельцы, ссылаясь на циркуляр Министерства внутренних дел 1862 года, предложили создать комитет для обсуждения городских вопросов, куда бы выбирались лица из всех сословий [9, л. 10]. Предполагалось избрать 12 депутатов, но выборы 24 мая 1864 года не состоялись под предлогом «отсутствия члена Совета Главного управления Западной Сибири» Солодовникова в Омске [10, л. 2].

24 июля 1864 года дворянам было разъяснено, что «участие их на совещаниях будет признано действительным, когда будут утверждены Начальником губернии» [10, л. 2]. Лишь 5 октября 1864 года был избран, а 13 ноября утверждён думой состав комитета от всех сословий при городской думе Омска, наконец, 29 ноября 1864 года состоялась первое участие комитета с представителями от всех сословий в думе [10, л. 36]. Прежде всего, дворяне требовали ревизии смет прихода и расхода городской думы за 1864 год, составления проекта бюджета города на 1865 год под контролем комитета, снизить цены и беспорядки на рынке, уменьшить величину некоторых сборов и некоторые другие. В самой городской думе дворяне требовали численно уравнять гласных от купцов и мещан с представителями других сословий. Фактически оказалось, что эти требования выполнить невозможно при отсутствии права голоса у представителей от дворянства, которые вынуждены были наблюдать принятие решений со стороны. В акте дворян-домовладельцев от 12 января 1865 года говорилось: «Мы, быв избранными для составления смет о приходах и расходах на 1865 год, встретили невозможность преодолеть желание городского головы Кузнецова к понижению занесённых статей расходов. Рассуждения наши остались бесплодными. Вследствие чего мы прекратили посещения заседаний городской думы при уверенности, что в общем собрании 12 депутатов от каждого сословия успешнее достигнутся цели наших актов» [10, л. 36].

С 3 декабря 1864 года началась деятельность комитета из 12 депутатов, где каждое сословие представляло по два депутата. Сами дворяне так прокомментировали первые его заседания: «Они оказались до того не соответствующими пользе, что после троекратного посещения 2/3 депутатов отказались от участия, сделавши 12 декабря письменное заявление городскому голове о бесполезности их прибытия, просили вместо себя назначить других депутатов» [10, л. 36 – 37].

Действительно, следует согласиться с мнением А. П. Толочко, А. И. Коновалова, Е. Ю. Меренковой,

О. В. Чудакова о незначительности изменений в городской думе после учреждения комитета из 12 депутатов. Дворяне продолжали оставаться сторонними наблюдателями в омской думе. Но важность этого комитета мы видим именно в факте его учреждения, когда местная власть Сибири проигнорировала циркуляр 1862 года, дворянство и другое городское население, не принадлежащее к купцам и мещанам, открыто выступило против такого игнорирования. Именно население из дворян, военных лиц, чиновников и разночинцев явилось инициатором этого комитета, а не местная власть, в которой мы можем увидеть консерватизм, нежелание что-либо менять.

Важно отметить, что в начале и середине 1860-х годов административная власть Западной Сибири не желала идти на уступки дворянам-домовладельцам. Генерал-губернатор, генерал-лейтенант Панов 11 января 1865 года отметил, что «дворяне-домовладельцы должны ограничиться рассмотрением в общественном городском собрании только тех предложений, о которых уже заявлено» [9, л. 11]. На полях одного из дворянских прошений в апреле 1865 года он отмечал: «До утверждения и обнародования новых правил, все городские думы, ратуши и хозяйственные управления, за исключением Петербургской и Московской думы, должны осуществляться на прежнем основании, без всякого совершенного изменения» [10, л. 1а]. Из этого следует, что генерал-губернатор не принимал никаких мер по допуску дворян-домовладельцев в городские думы и увеличению их прав, ссылаясь на отсутствие нормативных актов вышестоящих органов власти.

Интересно мнение городского головы Кузнецова по поводу возможного вхождения дворян в состав городской думы. В докладной записке генерал-губернатору Западной Сибири от 28 сентября 1865 года Кузнецов писал: «Истинная цель этих сочинений заключалась в обвинении меня в различных незаконных действиях по должности городского головы. Рассмотрение этих незаконных бумаг, вызвало распоряжение Губернского начальника, коим предписано, чтобы таковых от этой незаконной фирмы не принимать, а им объявлено, чтобы они уполномоченными от общества не назывались, потому что в Омске никакого общества домовладельцев не организовано и законно не существует» [11, л. 10 – 11].

Негативные высказывания Кузнецова можно объяснить тем, что прошения дворян шли вразрез с личными его интересами. Общество дворян-домовладельцев обращало внимание генерал-губернатора Западной Сибири в 1865 году на то, что при непосредственном участии городского головы в Омске была установлена монополия торговли вином, когда крупные производители Паклевский, Козелл, Корчемкин и Кузнецов объединили свои хозяйства. По мнению общества, объединение их способствует разорению мелких торговцев спиртными напитками, ухудшению качества продукции в целом» [11, л. 1 – 2].

Только 11 января 1867 года генерал-губернатор Западной Сибири А. П. Хрущов разрешил участие дворян и прочих сословий в городской думе Омска. Он писал Тобольскому гражданскому губернатору: «Действительно, в Омске, имеющем до 20 тысяч жителей, едва пятая часть принадлежит к городскому обществу, остальное население состоит из оставших офицеров, чиновников и разночинцев, которые на основании существующих законов не имеют права участвовать в общественных собраниях и заявлять о своих нуждах. Имея в виду исключительное

положение города Омска, я считаю справедливым предоставить всем его жителям права, принадлежащие купцам и мещанам» [9, л. 3–4]. Был ли это единичный случай или в других городах Сибири в 1860-е годы были подобные акты, нам неизвестно, источники их не упоминают.

Помимо вопроса представительства дворянства и других сословий в городской думе общество дворян-домовладельцев поднимало и другие проблемы. В основном они касались различных сфер городской повседневной жизни. Так, 14 декабря 1863 года дворяне-домовладельцы составляют акт на имя генерал-губернатора Западной Сибири о сборе акциза со всех имеющихся в городе лошадей, но написание акта не дало практических результатов, к его обсуждению вернулись год спустя в Омской городской думе. Тогда городской голова Кузнецов объявил, что «нет надобности вводить сбор» [10, л. 39]. В 1864–1865 годах общество подвергло критике состояние пожарной команды и работу городской полиции. В докладной записке Томилова, Орлова, Андреевского и Краснопольского от 29 марта 1865 года говорилось, что дворяне-домовладельцы «вынуждены просить о воспреещении городской полицией употреблять пожарных лошадей на работы для развоза воды и в разные места и для очистки в городе нечистот» [10, л. 4–5]. Здесь же общество дворян-домовладельцев указывало на беспорядки, происходившие на городском рынке, возникшие «от дозволения выстроить трактирное заведение в самом центре покупателей, что через размножение от того пьяных людей производится шум, брань и сквернословие. Полицеймейстер отозвался незнанием о постройке здания» [10, л. 6–7]. Как видим, злоупотребления местной властью и органами правопорядка своих должностных обязанностей стали первоочередным объектом критики общества дворян-домовладельцев. Общество указывало, что администрация города и полиция ответственны за несвоевременное предотвращение происшествий и беспорядков в Омске.

Дворяне совместно разночинцами также обращали внимание властей на продовольственную проблему и высокие цены в Омске. В акте от 20 ноября 1866 года указывалось: «Для жителей города, переносащих значительное возвышение цен на жизненные припасы, необходимо открытие общественного хлебного магазина, так как уменьшится непомерное возвышение цен на припасы, в особенности, во время распутицы, сократятся стачки и сделки между хлебными торговцами, которые позволяют себе произволы и сопротивления делать покупку муки жителям из первых рук» [9, л. 22].

Таким образом, мы видим, что проблемы, которые поднимались дворянами-домовладельцами, в основном касались представительства в городской думе, а также повседневной жизни жителей Омска, которые часто сталкивались с произволом, начиная от представителей власти, кончая представителями торговли. Более того, мы можем сказать, что дворяне неслучайно пытались обратить внимание центральной власти на проблемы города Омска и дворянского сословия. В России в 60-е годы XIX века самодержавие начинает проводить курс либеральных реформ, которые затронули все сферы жизни российского общества, каждое из сословий, образ жизни и род деятельности которых стал иным, нежели до реформ. В это время начала проводиться крестьянская реформа, преобразования в военной, образовательной, правоохранительной сфере, правительство начинает апробацию будущей городской

реформы в Петербурге, Москве и Одессе. Для выражения общественного мнения центральная власть в 1862 году позволяет учреждать комитеты при думе от всех сословий, чем и воспользовались омские дворяне-домовладельцы год спустя. Кроме того, Общество не могло в таком состоянии смотреть равнодушно на злоупотребления городского головы, полиции, поэтому создание общества дворян-домовладельцев — форма протеста, оппозиция проводимой политике городской думы Омска, инициатива к преобразованиям.

В нашей работе также важно попытаться ответить на вопрос о том, кто же были представители общества дворян-домовладельцев, какова численность корпоративной организации. Во главе организации находились полковники Томилов, Орлов, Андреевский и поручик А. Краснопольский, подполковник Сапожников. Как видим, все они имеют военные звания, первые четверо — потомственное дворянство, а Сапожников — личный дворянин [9, л. 36]. О полковнике Томилове можно сказать ещё лишь то, что он упоминается в документе от 27 февраля 1886 года как один из кандидатов на должность опекуна имущества Мачинского [12, л. 27]. Про полковника Орлова также скудная информация: известно, что он умер 23 февраля 1868 года, до смерти он владел двумя домами и участком земли, занимал деньги и сам давал в долг [13, л. 31]. Документы не дают, как мы видим, почти никакой информации о жизни и деятельности участников общества дворян-домовладельцев. При анализе численности общества непонятно, являются упоминаемые в документах лица непосредственными участниками общества или это всего лишь разделяющие с дворянами взгляды лица, потому что единственная возможность нам посмотреть сторонников общества — это расшифровка подписей под различными актами, докладными записками, прошениями. Рассматривая подписи, возникает вопрос: это всего лишь способ узнать общественное мнение среди жителей Омска либо реальная поддержка горожан, не принадлежащих к купеческому или мещанскому сословию. Тем не менее, несмотря на неясности, мы можем наглядно увидеть степень поддержки горожанами общества, ответив на вопрос, какие же социальные, профессиональные группы разделяли взгляды общества дворян-домовладельцев. Большую часть участников общества составляли военные лица и чиновники. Казачество, лица свободных профессий составляли незначительную часть общества.

Как видим (табл. 1), численность участников общества дворян-домовладельцев в 1864 году была невелика, достигая всего 50 человек, сюда входили мелкие и средние чиновники, а также военные лица в чине штабс-капитана, капитана, лейтенанта, полковника [10, л. 26]. В 1865 году численность военных и чиновников незначительно увеличилась [10, л. 29]. В 1866 и начале 1867 года происходит резкий скачок численности общества, которая достигает 565 человек. Это можно объяснить тем, что общество поддерживали многие лица, имевшие нижние чины — рядовые, бомбардиры и т.д., кроме того, если казачество в предыдущие годы представлено было единичными лицами, то в 1866 году их уже 86 человек [10, л. 22–33]. Интересен также тот факт, что только один человек из 565 в 1866 году назвал себя перед подписью потомственным дворянином [9, л. 26]. Отсюда название «общество дворян-домовладельцев» следует не как общество, в котором присутствуют одни дворяне, а общество под руководством дворян, куда вхо-

Таблица 1

**Состав общества дворян-домовладельцев
в 1864–1866 гг.**

Год	Военные	Чиновники	Казачество	Прочие и не-установленные лица
1864	20	30	нет	нет
1865	27	31	1	1
1866	272	143	86	64

Источник: ГУ ИСА Ф.3.Оп.4. Д.6227. Л.26, 29, 31; Ф.3. Оп.5. Д.7475. Л.22–33.

Примечание: в 1865 году к числу прочих лиц нами отнесён один врач, в 1866 году — четыре врача, три мастеровых, два переводчика, один еврей, один потомственный дворянин, одна домохозяйница.

дили лица, имевшие недвижимое имущество, разделившие взгляды дворян.

Итак, нам следует ответить также на вопрос о практической пользе всех тех прошений, докладных записок, которые писало общество дворян-домовладельцев. Большинство вопросов, касающихся повседневной жизни горожан, так и не были решены, но, тем не менее, полиция начала проверку винокурного завода Кузнецова. Общество добилося своей главной цели — генерал-губернатор А. П. Хрущов разрешил участвовать в городской думе всем сословиям на равных основаниях при наличии недвижимости с 1867 года. Более того, можно говорить, что взаимоотношения общества с городским самоуправлением в 1860-е годы привлекли внимание центральной власти. В справке Главного управления Западной Сибири, написанной в начале 1867 года, говорилось: «Предоставление обывателям города права участия в обсуждении общественных дел может последовать не иначе как с Высочайшего соизволения. В Министерстве внутренних дел уже составлены предположения о преобразовании сего управления, а в декабре 1867 года будут предоставлены в Государственный Совет» [9, л. 14]. Слова эти подтверждаются тем, что через три года была проведена городская реформа, где по новому городскому положению к участию в думе могли принимать представители всех сословий при наличии недвижимого имущества.

Таким образом, общество дворян-домовладельцев является корпоративной организацией, во главе которой стояли дворяне, имевшие военные чины, что было характерно для Сибири как окраины Российской империи, к тому же Омск был столицей генерал-губернаторства Западной Сибири, что объясняет значительное число как действующих, так и отставных военных лиц. Общество дворян-домовладельцев было независимой от государства организацией, государство вообще не принимало участие в его создании, а местная власть не признавала его. Если оно в первые годы своего существования было преимущественно военно-чиновничьим, то с 1866 года мы видим здесь казачество, разночинцев,

лиц свободных профессий. Рассматривая документы общества дворян-домовладельцев, можно заключить, что оно являлось выразителем общественного мнения большей части населения Омска, которой доступ в управлении городскими делами был закрыт. Также через деятельность общества мы можем видеть повседневную жизнь горожан и проблемы, с которыми они сталкивались. Стоит отметить, что рапорты и прошения общества не были безрезультатными. Главный итог деятельности общества в 1860-е годы — допуск всех сословий Омска к участию в городском самоуправлении.

Итак, общество дворян-домовладельцев Омска отличалось от дворянских обществ Европейской России тем, что здесь могли принимать участие представители других социальных и профессиональных групп, общество не имело четкой организационной структуры. Но они имели одну общую черту, суть которой в том, что они были выразителями общественного мнения и могли влиять на политику государственной власти.

Библиографический список

1. Корелин, А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. / А. П. Корелин. — М.: Наука, 1979. — 304 с.
2. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX века) В 2 т. Т. 1 / Б. Н. Миронов. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 548 с.
3. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие / А. П. Толочко [и др.]. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. — 196 с.
4. Гончаров, Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX—начало XX века) / Ю. М. Гончаров. — Новосибирск: Сова, 2004. — 357 с.
5. Толочко, А. П. Городское самоуправление в Омске в дореволюционный период / А. П. Толочко, И. А. Коновалов. — Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. — 82 с.
6. Ручная книга для справок о порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным. — СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1890. — 70 с.
7. Нардова, В. А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX века / В. А. Нардова. — Л.: Наука, 1984. — 260 с.
8. Куприянов, А. И. Между «олигархией» и «демократией»: городское самоуправление в конце XVIII — первой половине XIX века / А. И. Куприянов // Труды института российской истории. — М.: Наука, 2008. — Вып. 7. — С. 29–58.
9. Государственное учреждение Исторический архив Омской области (ГУ ИСА) Ф. 3. Оп. 4. Д. 7475.
10. ГУ ИСА Ф. 3. Оп. 4. Д. 6227.
11. ГУ ИСА Ф. 3. Оп. 4. Д. 6605.
12. ГУ ИСА Ф. 188. Оп. 1. Д. 42.
13. ГУ ИСА Ф. 188. Оп. 1. Д. 11.

АНДРЕЕВ Лев Александрович, аспирант кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: e-mail: andreev1616@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.06.2011 г.

© Л. А. Андреев

ПИЦЦА В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ УКРАИНЦЕВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ XX ВЕКА

В статье подробно анализируется свадебная пища украинцев Омского Прииртышья XX в. Дается описание всех этапов свадебного обряда и блюд, задействованных в нем. Особое внимание уделяется символике основных традиционных свадебных блюд.

Ключевые слова: украинцы, свадебная пища, символизм, обрядность.

Для удовлетворения физиологических и социальных потребностей человек использует пищу. Он занимается ее добычей, обработкой, изготовлением посуды для хранения и приготовления пищи. Пища насыщает человека и одновременно отражает его вкусовые предпочтения, которые, в свою очередь, зависят от хозяйственной деятельности. Праздничные и обрядовые блюда позволяют говорить о том, что пище придавали особый смысл в важные моменты жизни народа. Пища является важным ключом к пониманию культуры любого народа [1]. Поэтому в данной статье наиболее важно показать роль пищи в свадебной обрядности и выявить ее особенности, а также раскрыть символическое значение основных свадебных блюд украинцев Омского Прииртышья.

В последнее время этнографы все чаще выбирают в качестве объекта исследования традиционную пищу народов мира. Изучение культуры питания сегодня занимает далеко не последнюю роль в российской этнографии. Это связано с тем фактом, что именно пища является той частью материальной культуры, которая с течением времени остается менее подверженной изменениям, происходящим в жизни народа. Украинцы Омского Прииртышья — не коренной народ на данной территории. В эпоху аграрных реформ степные и лесостепные части современной Омской области были заселены выходцами из Украины. Поскольку в повседневном питании, праздничной и обрядовой пище проявляются характерные черты быта и уклада народа, исследование украинской пищи Омского Прииртышья кажется особо актуальным.

Источниковую базу данного исследования составили материалы этнографических экспедиций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского 1983, 1988, 2004 годов, а также материалы экспедиции Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН 2010 года, собранные в сельских населенных пунктах компактного проживания украинского населения Омской области.

Украинская свадьба (весілля) обязательно включала в себя сватовство, выкуп невесты, венчание или официальную регистрацию в ЗАГСе (в послевоенное время), «ловлю кур» второго дня свадьбы, а также свадебный фольклор и обрядовую пищу. Украинская свадьба имеет очень много сходных черт с другими восточнославянскими свадебными традициями, но все же в ней есть своя этническая

специфика. Выявить особенность свадебного ритуала украинцев Омского Прииртышья и обозначить те блюда, которые участвуют в обряде, — первостепенные задачи данного исследования.

Название украинской свадьбы — весілля — дает нам понять, что официальное оформление брака не играло для украинцев первостепенную роль, главным был сам обряд с его традиционными элементами украинских народных песен, которые сопровождали весь свадебный обряд на протяжении 3–4 дней, а порой и недели. Информаторы, рассказывающие об обряде, почти всегда забывают упомянуть, где и в какой день проходила официальная регистрация, было ли венчание, уделяя большее внимание самому веселью.

Ни одна украинская свадьба не проходила без сватовства. В назначенный день сватовства жених и старосты (женатые мужчины, как правило, родственники жениха) шли в дом родителей невесты. Обязательными атрибутами сватовства были хлеб-соль и горилка. Именно хлеб-соль и горилка были главными символами сватовства украинцев. Хлеб-соль до сих пор олицетворяет гостеприимство и благосостояние.

В доме родителей невесты старший староста вел переговоры о покупке у хозяев телочки или овечки [2, с. 18]. Или же говорили такие слова: «Мы — купцы. Зашли к вам в дом. Мы знаем, что у вас есть товар, мы хотим этот товар купить» [3, с. 26]. В случае согласия на брак невеста кланялась сватам и подавала на рушниках хлеб-соль и чарку горилки. В свою очередь сват отдавал родителям невесты принесенный с собой хлеб-соль и выпивку. Все садились за стол, угощались тем, что было приготовлено в доме родителей невесты, и пили горилку. Блюда, которыми угощали сватов в доме невесты, чаще были повседневными (если сваты приходили без объявления о своем визите) либо с элементами праздничных (если сваты предупреждали о своем визите). Например, традиционный суп капустняк считали одним из праздничных блюд [4]. За столом обсуждали день свадьбы, продолжительность свадебного действия и другие организационные вопросы.

Если согласие на брак не было получено, невеста выносила старостам гарбуз (тыкву). Тыква была знаком отказа от замужества самой невесты либо ее родителей. Родители невесты также могли сказать свой отрицательный ответ позже. В этом случае гар-

буз приносили в дом родителей жениха. Получить в ответ гарбуз было стыдно, поэтому сваты старались заранее узнать благосклонность родителей невесты, чтобы не попасть в неприятную ситуацию [5].

Украинцы, как и другие восточные славяне, выбирая дату свадьбы, ориентировались прежде всего на время года и религиозный календарь. Это было связано с хозяйственной деятельностью украинских переселенцев, а также с религиозным запретом играть свадьбы в дни великих праздников и постов [6]. Чтобы организовать для села такое масштабное мероприятие как весілля, нужно было запастись большим количеством мяса, сала, муки и круп. Ведь именно эти ингредиенты являются основными составляющими многих традиционных украинских кушаний. Вкусовые предпочтения украинцев не позволяли им сыграть свадьбу летом, когда скот еще не забит (в украинских селах свиной резали с ноября по март), а на полях еще зреет пшеница. В связи с этим фактором большинство украинских свадеб проходили в осеннее или зимнее время года. В качестве торжественного дня чаще выбирали субботу. По продолжительности свадебное мероприятие могло продолжаться 3–5 дней, а в некоторых богатых семьях гуляли до недели.

Когда была установлена дата свадьбы, родители жениха и невесты начинали готовиться к основному торжеству. Между сватовством и свадьбой было достаточно времени для того, чтобы уделить достаточно внимания подготовке свадебного ритуала. Условно в свадебных хлопотах можно выделить подготовку обрядовых атрибутов и приготовление обрядовой пищи. Как правило, сначала приступали к подготовке свадебных атрибутов.

Прежде всего, готовили один из основных символов свадебного стола — гильце (другие варианты названия: вільце, різка, дівваня). Для этого брали красивую ветку имеющегося дерева. Это могла быть ветка сосны, березы, облепихи и др. Вид дерева зависел от территории проживания этноса. Украинцы, проживающие на юге современной Омской области, использовали ветки дикорастущих яблонь, в других районах Омского Прииртышья — ветки сосны, березы и других деревьев. Ветку обмазывали тестом, ставили в печь под наклоном и недолго запекали. Когда ветка с тестом немного запеклась, ее украшали лентами, бумажными цветами, позже — конфетами и яблоками. Переселенцы из Николаевской области украшение свадебного стола называли «дивваня» и делали его на Украине из разветвленной ветки вишни [6]. Символическое значение гильца было определено еще в XIX веке исследователем славянских традиций, этнографом и фольклористом Н. Ф. Сумцовым как образ древа жизни, замужества, начала новой жизни, девьей красоты [7, с. 138]. Готовое гильце втыкали в специально выпеченный хлеб — лежень. Лежень напоминал по форме каравай, но его предназначение было лишь в удержании гильца на столе молодых. Иногда, когда гильце получалось очень большим по размеру (ветки порой достигали метра и более), в качестве основы для его установки использовали ведро с пшеницей [3, с. 29].

Украинцы по сравнению с другими славянскими народами наибольшее значение придавали обрядовому приготовлению и употреблению хлебных изделий. Н. Ф. Сумцов объясняет эту особенность так: «По полноте обрядового употребления хлеба первое место занимает малорусская свадьба; затем следуют великорусская, сербская и болгарская; на последнем месте оказывается свадьба поляков и чехов. Замеча-

тельная особенность малорусской свадьбы состоит в том, что в ней, при весьма разнообразном обрядовом потреблении хлеба, существует очень много хлебных песен; хлебные обряды не представляются сухой и бессмысленной формальностью, внешностью. Они оживлены и объяснены песней и благодаря песне представляются в большинстве случаев явлением живым, органическим, с плотью и кровью» [7, с. 193]. Женский хор (світільки и свашки) сопровождал и пояснял все важнейшие моменты обряда [8]. Это обстоятельство использования пояснительных песен является характерной особенностью украинского быта.

Когда гильце было сделано, приступали к приготовлению караваев. Если свадьба была назначена на субботу, то каравай и угощения свадебного стола готовили накануне дня свадьбы, т.е. в пятницу. Каравай — полиэтничный символ свадебного стола. Помимо украинцев в свадебной обрядности его используют болгары, чехи, словаки, поляки, русские, белорусы и другие народы [9]. Каравай выпекали из пшеничной муки круглой высокой формы. Вообще, пшеничная мука была первоосновой многих блюд украинских переселенцев Сибири. На территории Украины в эпоху аграрной реформы П. А. Столыпина более популярна была рожь, но, поскольку основной поток переселенцев в Сибирь был из южных степных районов, где преобладала пшеница, в Омском Прииртышье пшеница стала ведущей зерновой культурой [10].

Украшению караваев отводилось не последнее место. «Каравай украшали барвинком, калиной, колосьями овса, заботились, чтобы каравай хорошо испекся, так как считалось, что каравай с трещиной предвещает молодой паре развод или разлуку» [2, с. 21]. Пекли его замужние женщины, счастливые в браке. Иногда при приготовлении в каравай клали монету. Считали, что кусок с монетой приносил удачу тому, кому он достался [11]. «Значение караваев в украинской свадьбе было настолько большим, что молодоженов, у которых по бедности ли, по сиротству или по какой-либо другой причине отсутствовал каравай, награждали потом прозвищем (фамилией) — «Безкаравайный» [9]. В украинских селах Омской области сегодня можно встретить людей, носящих символическую фамилию Каравай [4]. Магические функции караваев сильны и по сей день в свадебной обрядности потомков украинских переселенцев. Хотя его приготовлению уже не отводится столько времени, сколько отводилось ранее, но украшения по-прежнему самые разнообразные.

Когда список гостей был утвержден и было известно точное количество приглашенных на свадьбу, в доме родителей жениха и невесты готовили «пригласительные» — обрядовую выпечку «шишки». Это было печенье, напоминающее по своей форме основную шишку. Количество шишек было равнозначно количеству приглашенных гостей. Выпекать больше или меньше считалось плохим тоном. В селе Невольное Русско-Полянского района Омской области был упомянут случай, когда приглашенные гости могли уже на самом торжестве взять со стола шишек для своих детей, оставленных дома, а после торжества даже гильце [4]. Но в селе Екатеринославка Шербакульского района Омской области была совершенно другая традиция: гости, поздравляя молодых на свадебном торжестве, отдавали вместе с подарком поздравительную шишку [12].

Для приготовления шишек использовали пресное дрожжевое тесто. Дрожжи участвовали как

в приготовлении шишек, так и каравай. А в повседневном питании без домашних дрожжей не обходилась ни одна выпечка хлеба. В начале XX в. шишки пекли без сахара, чуть позже его стали добавлять в небольшом количестве. Тесто для шишек вымешивали крутое (иногда с добавлением яиц), разрезали его на полоски, которые в дальнейшем раскатывали и скручивали в виде розочки. Затем шишки выкладывали на противень, смазывали постным маслом, чтобы в процессе выпекания они не соприкасались друг с другом и не повредились. Шишка считалась лицом невесты, но готовила их, как правило, мать невесты. Будущая теща старалась делать всё, чтобы шишки получились аккуратными и красивыми [4].

В назначенный день свадьбы жених с родней и друзьями приезжал в дом невесты, где его ждали родственники и подружки невесты, чтобы испытать жениха на силу и ум, а также получить выкуп за невесту. Песни, которые дружки пели при выкупе, часто затрагивали тему традиционной украинской пищи:

...мыром, мыром, мыром
Воронечки с сыром,
Пирожочки в масле,
Все сваточки прекрасны [2, с. 22].

Когда стороны жениха и невесты примирялись, невесту выкупал жених либо его братья за денежное вознаграждение.

После выкупа молодые ехали регистрировать брак в сельский совет. Особенность украинской свадьбы заключалась также в том, что гости жениха и невесты не пересекались друг с другом, так как торжество параллельно проходило в домах жениха и невесты. Гости проходили во двор дома жениха или невесты, где был установлен «балган»: брезентовый навес, в центре которого располагался большой стол и скамейки. Во главе стола оставляли место молодоженам. На столе молодых в доме родителей жениха располагались каравай и гильце. Когда подходило время поздравлений, каравай резали на кусочки, наливали в рюмочки горилку, староста подносил на подносе гостю кусочек каравая и рюмочку горилки. Гость говорил торжественную речь, выпивал горилку и закусывал кусочком каравая. Когда все гости со стороны жениха подарили подарки и сказали речь, молодожены со старостой отправлялись к гостям со стороны невесты. То же самое действие теперь проходило в доме родителей невесты. Иногда, когда каравай не хватало на всех гостей, в качестве закуски гостю давали мини-вариант пригласительной шишки. Мини-шишки пекли по тому же рецепту, что и пригласительные, но отличались они лишь своим размером и назначением.

Меню свадебного стола, с одной стороны, включало в себя повседневные блюда, такие как: каши, борщ, галушки, пампушки, вареники, а также праздничные: колбаса (обычная и кровянка), холодец, голубцы, тушеный картофель с мясом, капуста, пироги (как печеные, так и жареные с разнообразными начинками). В некоторых семьях в русской печи готовили «бабку» — запеканку из лапши или картофеля с мясной начинкой. Обязательным блюдом второго дня свадьбы считался куриный суп с лапшой. Блюда всегда дополняли соленые овощи, которые были запасены на зиму.

Среди других овощей украинцы предпочитали капусту. Они употребляли ее в сыром, вареном и квашеном виде. Если свадьба проходила ранней

осенью, на подсушенных капустных листьях пекли каравай и хлеб. Вареную капусту обязательно ели на девичнике. А с сырой или квашеной капустой готовили борщ. Также на свадебном столе была капуста «пелюстка». Как и огурцы, капусту солили в дубовых бочках, но отличалась «пелюстка» тем, что при приготовлении на дно бочки выкладывали шинкованную капусту, затем слой «пелюсток» (маленькие кочаны, разрезанные пополам), затем опять слой резаной капусты и так далее [4]. «Пелюстку» могли кушать вприкуску с другими блюдами, но в основном они служили для приготовления голубцов. На украинскую свадьбу специально звали женщину, которая умела готовить маленькие голубцы. Это объяснялось тем, что до появления тарелок все блюда на праздничном столе располагались в больших мисках, из которых гости брали деревянной ложкой. Этика поведения за столом присутствовала, поэтому женщины, которые готовили пищу для свадебного стола, заботились о том, чтобы гостям было комфортно за столом во время трапезы. Сегодня голубцы не входят в меню свадебных обедов, но в повседневном питании «лялечки» (именно так называли в быту маленькие голубцы) до сих пор готовят. Выбор такого бытового названия для блюда связан с тем, что повара, заворачивая фарш в капустный лист (свежий или пелюстку), оставляла небольшое отверстие, чтобы мясо напиталось жиром вовремя приготовления в печи и голубцы получились сочными [4].

Из напитков на свадебном столе украинцев всегда были кисель (как ягодный, так и молочный), компот (из сушеных плодов дикой яблони, а к середине XX века — из сухофруктов). Из алкогольных напитков присутствовали горилка (сегодня слово «горилка» уже не употребляется в украинских селах Омской области, его заменило слово «самогонка»), брага, пиво. В семье, занимающейся пчеловодством, гостей на свадьбе могли угостить медовухой.

Утром второго дня молодой жене родственники с обеих сторон несут «снеданок» — завтрак: колбасу, сыр, котлеты, то, что осталось из приготовленного для первого дня свадьбы [3, с. 77]. Затем, ближе к полудню, гости переодеваются в ряженых, чаще всего цыган и жениха с невестой, ходят по селу, играют на гармошке и поют песни. По традиции ряженые заходили во двор приглашенных гостей и ловили кур. Некоторые гости оказывались предприимчивее и сами выносили в мешке уже пойманных кур и петухов. У кого не было кур или кто не хотел отдавать, откупался салом или мясом. В результате такого обхода дворов собиралось очень много птиц. Ряженые приносили пойманных курей в дом жениха, где их обрабатывали женщины и варили в больших чугунах куриный суп с лапшой [4]. Лапшу для куриного супа готовили за неделю до свадьбы в большом количестве. Как правило, ее делали родственники со стороны невесты.

Таковы, в общих чертах, элементы пищи в свадебной обрядности украинских переселенцев Омского Прииртышья. Особенностью украинской свадьбы можно назвать обычай параллельного празднования в домах жениха и невесты, традицию сопровождения всего обрядового действия свадебным фольклором. Традиционная обрядовая пища была задействована не только на свадебном столе, но и участвовала в приготовлении свадебных атрибутов, а также звучала в сопровождающих торжество песнях. Это говорит о том, что пища украинцы придавали огромное значение. Обрядовая пища была глубоко символична.

Убранство свадебного стола зависело от многих факторов. Главным фактором долгое время было время года. Поздней осенью и зимой в украинской семье XX в. было обилие мясных блюд. Это было следствием забоя главного скота украинцев — свињи. Весна, лето и ранняя осень отмечались потреблением мяса птицы, овощей и мучных блюд. Соответственно, наиболее выгодное время такого события, как свадьба, приходилось именно на «мясные» месяцы. Например, в 1911 году в селе Одесском ныне Одесского района Омской области зимой было зарегистрировано 16 браков, весной 5 браков, летом ни одного, осенью 24 брака [13]. Помимо времени года на состав продуктов свадебного стола влияло благосостояние семьи, а также полнота состава семьи. Если в качестве жениха или невесты выступала сирота, то роскошью свадебный стол не отличался.

Со второй половины XX века все чаще стало прослеживаться иноэтническое влияние на свадебную пищу украинцев Омского Прииртышья. Сегодня украинских сел в чистом виде, как это было в первой половине XX века, в Омской области уже не существует. В связи с этим влияние кулинарии других народов с каждым годом растёт. Это связано, прежде всего, с близким проживанием белорусов, немцев, латышей, казахов, а также большим доступом всевозможных кулинарных книг и рецептов блюд народов мира. Так, из заимствованных блюд в свадебное меню сегодня входят манты, бешбармак, плов, шашлыки, пицца и др. Таким образом, можно сказать о том, что все же традиционная свадебная пища сегодня утрачивает свои позиции. Ее роль сегодня уже не так велика в свадебном действе, она практически исчезла из свадебного фольклора. Символика основных традиционных блюд утратилась, а свадебное меню все чаще включает в себя салаты, закуски и банкетные фаршированные блюда из рыбы, туш птиц или поросенка. Таким образом, можно говорить о трансформации свадебной традиционной украинской пищи. Именно поэтому необходимо дальнейшее исследование обрядовой национальной пищи украинцев Омского Прииртышья.

Библиографический список

1. Ефремова, Ю. Н. Пища народов Сибири как направление исследования материальной культуры / Ю. Н. Ефремова //

Культурологические исследования в Сибири. — Омск : Издат. дом «Наука», 2011. — № 2 (33). — С. 111. — ISBN 978-5-98806-118-2.

2. Музей археологии и этнографии Омского государственного университета (МАЭ ОмГУ). Ф. — I. 2004. Д. 168-1.

3. Куды, доню, собираеся?.. Свадебная обрядность украинских переселенцев Омского Прииртышья / составители Т. М. Репина, О. Г. Сидорская. — Омск : Издат. дом «Наука», 2007. (Серия «По материалам фольклорно-этнографических экспедиций», вып. 2). — 186 с. — ISBN 5-98806-107-5.

4. Архив музея народов Сибири Омского филиала института археологии и этнографии СО РАН (архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН). Ф. VII-2. Д. У-1.

5. Назарцева, Т. М. О свадебном обряде украинцев (материалы экспедиций по Полтавскому району Омской области) / Т. М. Назарцева // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. — Омск, 1996. — № 5. — С. 229.

6. Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН Ф. VII-2. Д. У-2.

7. Сумцов, Н. Ф. Символика славянских обрядов: Избранные труды / Н. Ф. Сумцов. — М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996 (этнографическая библиотека). — 296 с. — ISBN 5-02-017709-1.

8. Кушнарченко, С. М. Фольклор украинцев южных районов Омской Области (на примере Одесского района) / С. М. Кушнарченко // Народная культура Сибири. — Омск, 2004. — С. 182—183.

9. Артюх, Л. Ф. Этнические символы в материальной культуре украинцев / Л. Ф. Артюх, Т. В. Космина // Советская этнография. — М., 1989. — № 6. — С. 49.

10. Артюх, Л. Ф. Хозяйственные занятия / Л. Ф. Артюх // Украинцы. — М. : Наука, 2000. — Гл. 9. С. 97.

11. МАЭ ОмГУ. Ф. — I. 1988. Д. 50-1. Л. 32.

12. МАЭ ОмГУ. Ф. — I. 2004. Д. 19-4. Л. 2.

13. Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф.16 оп.6 д.173. Метрическая книга молитвенного дома поселка Одесского.

ЕФРЕМОВА Юлия Николаевна, аспирантка сектора этнографии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН.

Адрес для переписки: e-mail: mirami@list.ru

Статья поступила в редакцию 31.05.2011 г.

© Ю. Н. Ефремова

Книжная полка

ББК 63.3(2)5/Р83

Рудая, Е. Н. Забытая война и преданные герои / авт.-сост. Е. Н. Рудая ; авт. предисл.: Н. А. Нарочницкая, В. А. Москвин ; редкол.: Е. А. Бондарева [и др.] ; Фонд исторической перспективы. — М. : Вече, 2011. — 318 с. — (Актуальная история). — ISBN 978-5-9533-5792-0.

Материалы настоящего издания помогают увидеть историю Первой мировой войны, свободной от идеологических и политических штампов. Авторы пишут о характере Первой мировой, ее значении для России и роли нашей страны в войне, героизме русской армии, месте России в послевоенной системе международных отношений, актуальности изучения российской истории того периода и многом другом.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ЗАПАДНОСИБИРСКИХ СУБЪЕКТАХ РФ

Представленная статья затрагивает процесс институционализации региональных органов исполнительной и законодательной ветвей власти в период административно-политических реформ начала–середины 1990-х гг. В исследовании проведен анализ принимаемых на федеральном уровне нормативно-правовых актов и формируемых на их основе ключевых региональных законов. В работе также описаны результаты первых избирательных кампаний, проведенных на основе нового правового базиса.

Ключевые слова: исполнительная власть, законодательная власть, политические реформы 1990-х гг., Западная Сибирь.

В 2009 г. Президент РФ Д. Медведев объявил курс на модернизацию экономики страны. В то же время подобные преобразования не могут проводиться обособленно и должны быть обеспечены соответствующей моделью управления государством и его территориями. В связи с этим изучение опыта формирования административно-политической структуры управления регионов современной России и ее эффективности представляется чрезвычайно актуальной и своевременной задачей.

Провал августовского путча в 1991 г. и последующий выход Указа Президента РСФСР «О деятельности КПСС и КП РСФСР», запрещавшего деятельность Коммунистической партии, вызвал необходимость коренного преобразования всех сфер жизни общества и государства. Одним из ключевых вопросов стало формирование новой системы администрирования территорий РФ. В действовавших на тот момент местных Советах большинство депутатов были бывшими членами Коммунистической партии, негативно относившихся к политике Б. Ельцина. Проведение лояльного президенту курса были призваны обеспечить назначенные главы администраций, а также уполномоченные представители президента в каждом из субъектов РФ.

Становление современной правовой системы в регионах Западной Сибири как государственно-территориальных образованиях и равноправных субъектах Российской Федерации началось с подписания ими Федеративного договора в 1992 г., ставшего составной частью, действовавшей тогда Конституции 1978 года. Договор разграничивал предметы ведения и полномочия между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти субъектов России. Многие положения Федеративного договора нашли отражение в принятой 12 декабря 1993 г. Конституции РФ. Закрепление основ федеративного устройства Конституцией РФ дало импульс разветвлению нормотворческой деятельности, прежде всего — в сфере формирования государственно-правового статуса субъектов Федерации.

21 сентября 1993 г. Президент РФ Б. Ельцин подписал Указ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Этот документ прерывал «осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации». Советы Новосибирской, Омской, Томской областей, Алтайского края, а также глава администрации Новосибирской области В. Муха последовательно признали действия президента антиконституционными. В начале октября В. Муха был отстранен от должности, а Омский и Томский Советы прекратили свою деятельность по решению соответствующих областных администраций [1–3]. В связи с этими событиями в регионах остро встал вопрос о необходимости формирования новых представительных органов власти, лояльных действующему президенту и его политическому курсу.

С середины октября 1993 г. в регионах начинается становление законодательной базы, касающейся порядка формирования и работы новых представительных органов государственной власти субъектов. Основанием для этих процессов стал выход в октябре 1993 г. ряда указов президента: № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в РФ», № 1723 «Об основных началах организации государственной власти в субъектах РФ» — и последующее принятие Конституции РФ.

Депутаты должны были быть избраны на основе мажоритарной системы по одномандатным округам с единой нормой представительства. Количество депутатов представительных органов различалось по регионам. В Алтайском крае Законодательное собрание формировало 50 представителей; Областной Совет Новосибирской области состоял из 49 депутатов; состав Омского Законодательного собрания включал 30 депутатов; Государственная дума Томской области состояла из 21 депутата. Срок полномочий депутатов первого созыва составлял 2 года. В новых условиях региональные представительные

органы потеряли многие свои полномочия, произошло существенное сокращение депутатского корпуса при сокращении числа депутатов, работающих на постоянной основе. Действовавшая ранее возможность обжалования решений исполнительной власти органами власти законодательной в новых условиях не была предусмотрена [4].

Среди победителей, прошедших в марте 1994 г. избирательных кампаний, в основном оказались признанные хозяйственники-руководители предприятий разных форм собственности и направлений деятельности, а также кандидаты от крупнейших партий и объединений. Здесь, впрочем, подчеркнем, что среди победивших партийцев также выделялись лица, заслужившие авторитет крепких хозяйственников, тогда как ярко выраженные политические лидеры потерпели поражение. Также в первых зовах местных парламентов места получило значительное количество административных работников: в новосибирском Совете — 12, в томской Думе — 4, в Законодательном собрании Омской области — 8 [5–7]. Подобное переплетение исполнительной и законодательной ветвей власти стало возможным, так как обратное не было предусмотрено ни федеральным, ни региональным законодательством [8].

Общий политический итог выборов был таков: новосибирский и томский представительные органы государственной власти сформировали силы, преимущественно не связанные с какими-либо политическими течениями, что было выгодно региональным администрациям, так как им пришлось иметь дело с непополитизированными депутатами-одиночками. В Алтайском крае победу отпраздновали представители Аграрной и Коммунистической партий, в объединенную фракцию которых в Законодательном собрании вошло 32 депутата из 50, тем самым переведя местный парламент в оппозицию к Президенту РФ и назначенному им главе администрации края. На первый взгляд схожий расклад сил вышел и в Омской области, где большую часть мест Законодательного собрания заняла группа аграриев: главы сельских районных администраций и руководители сельскохозяйственных предприятий, а также представители избирательного блока КПРФ — ФОРП. Впрочем, в Омске представители двух вышеназванных объединений не организовали единой депутатской группы, а омские депутаты-аграрии по ключевым вопросам поддерживали действия областной администрации.

По окончании процесса формирования новых органов представительной власти начался этап подготовки и принятия базового регионального закона. Основным региональным государственно-правовым актом, принимаемым в соответствии с Конституцией РФ самостоятельно субъектом Федерации и устанавливающим экономические и финансовые основы субъекта, его систему органов государственной власти и управления, административно-территориальное устройство, организацию местного самоуправления является Устав субъекта федерации.

Принятие Устава Алтайского края проходило на фоне жесткого противостояния главы администрации края Л. Коршунова и Алтайского краевого Законодательного собрания, возглавляемого А. Суриковым. Основные разногласия сторон вызвали те позиции утвержденного Законодательным собранием документа, которые закрепляли за представительным органом ведущую роль в управлении краем, в частности:

— избрание главы администрации края Законодательным собранием;

— право подписания законов края, принадлежащее председателю Законодательного собрания;

— невозможность приостановления или досрочного прекращения деятельности краевого Законодательного собрания решением какого бы то ни было органа государственной власти края;

— утверждение схемы управления краем и структуры администрации, находящейся в ведении Законодательного собрания;

— назначение и освобождение от занимаемой должности 1-го заместителя главы администрации края, руководителя краевых органов внутренних дел, юстиции, финансов, социальной защиты и Комитета по управлению государственным имуществом, происходящие с согласия парламента;

— возможность отстранения главы администрации края от занимаемой должности Алтайским краевым Законодательным собранием на основании решения суда, подтверждающего наличие в его действиях признаков грубого нарушения законов или заключения прокурора о наличии в его действиях признаков преступления;

— обязанность ежегодного предоставления главой администрации краевому Законодательному собранию доклада о своей деятельности и деятельности исполнительной власти края [9].

Предпринимались попытки разрешить политический конфликт в крае мирным путем: так, распоряжением Президента РФ была создана согласительная комиссия под председательством заместителя министра юстиции А. Степанова [10]. Однако ее успехи исчерпывались формальным ратифицированием малозначимых статей Устава.

Основные разногласия был призван разрешить Конституционный суд РФ. Инициатором обращения выступил Л. Коршунов. Глава администрации настаивал, что перераспределение полномочий в пользу Законодательного собрания, предусмотренное спорным вариантом Устава, не создает действенной системы сдержек и противовесов между исполнительной и законодательной ветвями власти, противоречит принципу разделения властей и конституционному строю РФ. В представленном в суд отзыве на этот запрос, председатель Законодательного собрания А. Суриков защищал оспариваемые статьи Устава, указывая на их соответствие Конституции и действовавшему законодательству РФ [9].

По итогам рассмотрения дела в декабре 1995 г. — январе 1996 г. суд принял позицию истца. Основной спорный пункт — о непрямых выборах главы администрации — был признан Конституционным судом несоответствующим Конституции. В пользу главы краевой администрации также были решены другие ключевые вопросы [11].

В остальных рассматриваемых регионах процесс принятия Уставов не повлек за собой усиления напряженности между ветвями власти. Все претензии глав администраций и депутатов представительных органов по проектам региональных Уставов были урегулированы в рабочем порядке.

Так, в Новосибирской области еще в июне 1994 г. в рамках визита в регион депутата Государственной думы РФ В. Лысенко состоялись переговоры его, главы администрации области И. Индинка и председателя областного Совета А. Сычева, на которых, в частности, шел разговор о подготовке Устава области, о статусе администрации, о взаимодействии ветвей власти. Годом позже, на 13-й сессии Новоси-

бирского областного Совета депутатов обсуждался, в частности, вопрос об Уставе области. Часть разработчиков предлагала ввести на территории области новый уровень государственной власти — представительные органы в городах областного подчинения и районах. Была сделана попытка внести новацию и в структуру власти исполнительной. И. Индинок не раз подчеркивал, что выступает в двух ипостасях: как политический деятель и как руководитель исполнительной власти. Он считал, что такое совмещение не шло на пользу делу и было бы целесообразно ввести положение о высшем должностном лице как субъекте власти наравне с властью исполнительной — администрацией, возглавляемой одним из заместителей главы [12]. В этом предложении угадывалась модель президентской республики, где правом субъекта власти наделяется высшее должностное лицо и его аппарат, который, по сути, является вторым правительством.

В Томской области мысль о необходимости разработки Устава была озвучена заместителем председателя областной Думы, председателем ее правового комитета С. Ильиным в середине 1994 г. Вскоре правовым комитетом Томской областной Думы был подготовлен проект Устава Томской области [13]. Общественной палатой Томской области была создана рабочая группа, призванная аккумулировать предложения рядовых жителей городов и районов региона, касающиеся Устава [14].

С середины мая 1994 г. начинает работать комиссия по подготовке Устава Омской области, которую возглавили глава администрации области Л. Полежаев и председатель Законодательного собрания В. Варнавский. В июле 1995 г. документ был вынесен на обсуждение Законодательного собрания. В проекте Устава разграничивалась компетенция федеральных и местных властей, за регионом закреплялся статус полноправного и самостоятельного субъекта Федерации. Также предлагалось переименовать администрацию в правительство Омской области и ввести в нем институт министров [15].

Суть окончательных вариантов документов в каждом из четырех рассматриваемых субъектов различалась незначительно. На региональном уровне закреплялась модель управления, принятая в Федерации: широкий круг полномочий главы региона (обладающего правом законодательной инициативы, правом вето на принятые региональным представительным органом законы, формирующего администрацию соответствующего субъекта РФ, ее структурные подразделения, в целом определяющего вектор развития региона) при скромной роли представительного органа. Интересно, что если в Уставах Новосибирской и Омской областей только упоминается о формах непосредственной демократии, то в Основных Законах Алтайского края и Томской области способам прямого участия граждан в решении важнейших вопросов государственной и общественной жизни было посвящено по целой главе. В соответствии с принятыми Уставами изменялись принципы комплектования и количество депутатов представительных органов власти Омской и Томской областей. Состав томской Думы возрастал в два раза по сравнению с ранее действовавшим без нарезки новых округов — 42 депутата должны были быть избраны в двухмандатных округах. Численность депутатов Законодательного собрания Омской области увеличивалась с 30 до 45 человек (15 — должны были избираться по пропорциональной системе).

Наряду с принятием Уставов в регионах проводится разработка законов, касающихся принципов избрания и полномочий глав администраций. Срок полномочий главы каждого из рассматриваемых регионов составлял 4 года, причем было введено ограничение на количество сроков (не более 2-х подряд) нахождения на посту.

Первые выборы глав администраций Омской и Томской областей состоялись в конце 1995 г. Избранными главами стали ранее занимавшие эти посты в соответствующих областях Л. Полежаев (59,62%), В. Кресс (51,87%) [16, 17]. Победа обоих кандидатов была закономерна, так как они сумели аккумулировать серьезные финансовые, политические и общественные ресурсы как в своих регионах, так и за их пределами (в том числе и в Москве).

Выборы главы Новосибирской области также прошли в конце 1995 г. Первый тур не выявил победителя, а во втором — встретились В. Муха, занимавший пост главы администрации области до октября 1993 г., с И. Индинком — на тот момент действовавшим главой области. Благодаря поддержке уступившего в первом туре А. Мананикова, В. Муха стал фигурой политического компромисса для «левого» и «правого» электората. Почвой для компромисса стали антикоррупционизм, стремление к законности и порядку. Таким образом, набрав 53,82% голосов, В. Муха стал избранным главой области [18].

Кризис, вызванный разногласиями исполнительной и законодательной ветвей власти в Алтайском крае, не позволил провести первые губернаторские выборы в те же сроки, что и в трех других субъектах. Здесь выборы состоялись в конце 1996 г. Основными претендентами на пост были действовавший глава края Л. Коршунов и председатель краевого Законодательного собрания А. Суриков. Первый тур завершился с разницей у основных претендентов примерно в 3% голосов. Эта же разница осталась и во втором туре: А. Суриков набрал 49,35% против 46,14% у Л. Коршунова [19].

Среди факторов, определивших поражение Л. Коршунова, можно выделить следующие: неудача в процессе консолидации вокруг своей кандидатуры региональной элиты, отсутствие должного взаимодействия его штаба со СМИ. Также у Л. Коршунова отсутствовал опыт личного участия в избирательных кампаниях, в то же время за плечами А. Сурикова и его команды было несколько удачных избирательных кампаний разного уровня, ему лучше удалось преподнести свою избирательную платформу [20].

Таким образом, на первом этапе развития (август 1991 — октябрь 1993 гг.) происходит параллельное существование органов прежней власти — Советов и представителей новой власти — назначаемых Президентом РФ глав администраций, завершившееся полномасштабным политическим кризисом, в результате которого Советы были распущены.

На втором этапе (с октября 1993 г.) осуществляется законодательное оформление новой системы администрирования регионов. Итогом всех этих процессов стало складывание системы на основе разделения властей на исполнительную, законодательную и судебную с сильным креном в пользу исполнительной ветви. Пользуясь относительной слабостью администрации, Алтайское Законодательное собрание и его депутаты предприняли попытку законодательного закрепления своего доминирования в административно-правовой сфере края. Глава исполнительной власти, не найдя внутренних рычагов для урегулирования вопроса, смог добиться в целом

положительного для себя решения Конституционного суда РФ, признавшего не соответствующим Конституции России пункт о не прямых выборах губернатора.

В результате на уровне рассмотренных субъектов РФ был закреплен аналог «президентской» модели управления, в котором весь комплекс полномочий (в том числе законодательных, финансовых, представительских) был сосредоточен на главе исполнительной власти. В то же время все институты сформированной в регионах системы были вовлечены в фарватер политического курса федеральных властей. Наличие очагов оппозиции, в том числе внутри региональных институтов власти, не препятствовало проведению, заданного президентом курса реформ.

Библиографический список

1. О главе администрации Новосибирской области [текст] : Указ Президента Российской Федерации [подписан 5 окт. 1993 г. № 1581]. Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 1993. — № 41. — Ст. 3932.
2. Политический альманах России-1997. Социально-политические портреты регионов / Под ред. М. Макфола, Н. Петрова; Моск. центр Карнеги. — М. : Моск. центр Карнеги, 1998. — Кн. 1. — С. 336.
3. Политический альманах России 1997. Социально-политические портреты регионов / Под ред. М. Макфола, Н. Петрова; Моск. центр Карнеги. — М. : Моск. центр Карнеги, 1998. — Кн. 2. — С. 723, 736, 919.
4. Аюпов, М. А. Политико-трансформационные процессы в современной России: региональный аспект : дис. ... д-ра полит. наук / М. А. Аюпов : защищена 24.02.04. — М., 2004. — С. 319.
5. Депутаты... // Советская Сибирь. — 1994. — 1 апр. — С. 1.
6. О регистрации депутатов областной Думы... // Томский вестник. — 1994. — 12 апр. — С. 2.
7. Выборы депутатов Законодательного собрания Омской области. — Изд-во ТАСС — Восточный экспресс, 2004. — С. 18.
8. Основные положения о выборах в представительные органы государственной власти края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа [текст] : Указ Президента Российской Федерации [подписан 27 окт. 1993 г. № 1765]. Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 1993. — № 44. — Ст. 4189.
9. Баранов, О. Н. Алтайский край как субъект Российской Федерации. Конституционно-правовая характеристика /

О. Н. Баранов // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. — 1997. — № 3—4. — С. 97—113.

10. О согласительной комиссии по разрешению разногласий между органами законодательной и исполнительной власти Алтайского края по некоторым положениям Устава края [текст] : распоряжение Президента РФ [подписано 5 авг. 1995, № 367—рп] // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 33. — Ст. 3376.

11. По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края [текст] : Постановление Конституционного суда РФ [от 18 янв. 1996, № 2-11] // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 4. — Ст. 409.

12. Действовать, а не перетягивать канат / Л. Семёнова // Советская Сибирь. — 1995. — 21 сент. — С. 1—2.

13. Макет Устава Томской области // Красное знамя. — 1994. — 19 июля. — С. 6.

14. Спектр мнений будет учтен / Л. Литвинова // Томский вестник. — 1994. — 10 сент. — С. 2.

15. Основа для Устава есть // Омский вестник. — 1995. — 13 июля.

16. Выборы губернатора Омской области. — Изд-во ТАСС — Восточный экспресс, 2004. — С. 13.

17. Признать избранным... // Красное знамя. — 1995. — 22 дек. — С. 2.

18. Фофанов, В. Образ лепит не только претендент / В. Фофанов // Советская Сибирь. — 1996. — 13 янв. — С. 3.

19. Количественные итоги голосования 17.11 // Дневник Алтайской школы политических исследований : материалы науч.-практ. конф. — Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 1997. — № 3 : Власть и собственность : к итогам губернаторских выборов в России. — С. 102—103.

20. Ивкин, А. В. Стратегия и тактика избирательных кампаний / А. В. Ивкин // Дневник Алтайской школы политических исследований : материалы науч.-практ. конф. — Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та. — 1997. — № 3 : Власть и собственность : к итогам губернаторских выборов в России. — С. 45—46.

КАШКИН Андрей Владимирович, соискатель по кафедре истории и регионального развития.
Адрес для переписки: e-mail: kashkinav@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2011 г.

© А. В. Кашкин

Книжная полка

ББК 67/М37

Мачин, И. Ф. История политических и правовых учений : учеб. пособие для вузов по направлению 021100 (030501) «Юриспруденция», по специальности 021100 (030501) «Юриспруденция», 030500 (521400) «Юриспруденция (бакалавр)» / И. Ф. Мачин. — М. : Юрайт, 2011. — 412 с. — (Основы наук). — ISBN 978-5-9916-1340-8. — 978-5-9692-1201-5.

Учебное пособие призвано помочь студентам обнаружить и самостоятельно продумать основные политические и правовые идеи, высказанные западными и российскими мыслителями начиная с древности и до нашего времени. Знакомство с этим курсом позволит приобрести опыт критического осмысления политических и правовых институтов различных обществ. В целях лучшего усвоения материал каждой главы логически структурирован и отформатирован для качественного визуального восприятия. Для студентов вузов, обучающихся по специальностям 030501 (021100) «Юриспруденция», 030500 (521400) «Юриспруденция (бакалавр)», а также для аспирантов и преподавателей юридических вузов.